Огня для мисс Уокер!

Автор:
Ольга Ярошинская

Огня для мисс Уокер!

Ольга Алексеевна Ярошинская

Колдовские миры

Джейн Уокер пересекла Атлантику, чтобы выйти замуж по переписке, но оказалось, что жених давным-давно мертв. Теперь она застряла в туманном городишке, где жители проводят мрачные ритуалы, а над холмами несется волчий вой. Здесь легенды о вервольфах становятся реальностью, и только инспектор Рейнфорд сохраняет спокойствие. Когда в Вуденкерсе повторяется трагедия, случившаяся двадцать лет назад, Джейн чувствует, что как-то связана с этим. Кто заманил ее сюда и зачем? Правда ли среди горожан прячется хищник? И может ли она хоть кому-то верить? Инспектор Рейнфорд твердо намерен найти все ответы, вот только самой большой загадкой считает саму Джейн.

Ольга Ярошинская

Огня для мисс Уокер!

© Ярошинская О., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

Американка

С этой мисс определенно было что-то не так, а уж миссис Хокинс умела разбираться в людях. Слишком высокая. Почти вровень с рябым Джо, а тот вечно ходит с шишкой на лбу, набивая ее снова и снова о притолоку в пабе «Пасть и корона». Волосы у мисс были рыжими, и это б еще полбеды, но при этом они кудрявились совершенно легкомысленным образом. Глаза, пожалуй, ничего. Голубые, как и положено приличной англичанке. Платье – тоже не придерешься. Серое, немаркое. Самое то в дорогу. А то, что прибыла мисс издалека, видно сразу – по чемодану, который лежал на верху кеба. Пухлый, ужасно алый и огромный. Как только Джо умудрился закинуть его наверх?

Мисс нетерпеливо постукивала ножкой, пока Джо чинил колесо, норовящее соскочить с оси, и миссис Хокинс неодобрительно поджала губы. Туфельки у мисс оказались под стать чемодану – вызывающе алые и даже с небольшим каблуком. Хотя, казалось бы, если ты и так каланча, зачем влезать на подпорки?

Приличная девушка, если б Господь наказал ее таким ростом, немедленно надела бы туфли на кожаной подошве не толще картона, кудрявые волосы прилизала к голове, а саму голову держала чуть склонив, смиренно и покорно.

Незнакомая же мисс стояла прямо, а плечи и не думала сутулить. Напротив, она смело выпростала руку вверх, придерживая чемодан, чтобы тот не съехал на голову рябому Джо. И сколько бы миссис Хокинс ни щурилась, всматриваясь в нутро кеба, там не нашлось ни намека на компаньонку. Значит, путешествовала мисс одна.

– Наконец-то! – воскликнула та, когда Джо выпрямился и отряхнул широкие ладони, похлопав ими одна об одну.

Миссис Хокинс вздрогнула и крепче вцепилась в забор. Даже в единственном слове, произнесенном девушкой, отчетливо прозвучал акцент. Американка?

Она едва устояла на месте, провожая кеб взглядом, – так ей хотелось поскорее побежать к миссис Доуксон, чтобы поделиться новостями, и была воистину награждена за свое терпение. На перекрестке кеб свернул не направо – в Шелстоун, ближайший к Вуденкерсу город, а налево – к поместью Олдброков, дорога в которое заросла травой и ракитником.

Помянув святого Эдварда и трижды поплевав через левое плечо, миссис Хокинс приподняла юбки и во всю прыть пустилась по утоптанной тропинке на соседнюю ферму, с наслаждением предвкушая недоверие и шок, с которыми встретит ее новости миссис Доуксон.

* * *

Экипаж, который правильнее бы назвать крытой телегой, трясло так, что Джейн всерьез начала волноваться, как бы ее не вывернуло на очередном ухабе. Глубоко вдохнув, она промокнула платком взмокший лоб. Джейн пересекла Атлантику и втайне гордилась тем, что ее не донимала морская болезнь, но океанские волны вчистую проиграли английским дорогам.

Она уже открыла рот, чтобы попросить извозчика прекратить эту пытку, когда он сам натянул поводья и издал странный звук вроде того, что произносила сама старая кляча, выдыхая воздух черными губами.

Открыв дверку, Джейн выпрыгнула наружу, с радостью ощутив под ногами твердую землю. Никаких больше кораблей! Никаких экипажей! Только прогулки пешком по свежему воздуху под руку с женихом, а после – законным супругом.

Выпрямившись, она окинула взглядом поместье, отгородившееся от мира высоким забором и, будто этого мало, колючей изгородью боярышника, протягивающего ветки между металлическими прутьями. Ворота тоже ощетинились шипами, как рассерженный еж, но за ними виднелись пышные розы, чей аромат слышался даже издали.

– Здесь прекрасно, не правда ли? – неуверенно произнесла Джейн.

– Неправда, – буркнул извозчик, стаскивая чемодан на землю. – Десять монет, как договаривались. И неплохо бы сверху, за колесо.

– Я не стану доплачивать за то, что вы не держите экипаж в надлежащем состоянии, – заявила Джейн, отсчитывая плату. – Вы рисковали моей жизнью! Когда экипаж накренился, я едва не расшиблась.

– Видать, вы где-то раньше головой ударились, раз решили сюда заявиться, – непочтительно фыркнул извозчик, пробуя одну из монет на зуб. – Ну, всего доброго, мисс.

– Погодите! – встрепенулась Джейн. – А мой чемодан!

– Я к Олдброкам ни ногой, – сказал мужик, натягивая поводья так, что пятнистая кобыла послушно развернулась на небольшой площадке, выложенной булыжниками. – Свистните громче, мисс, Томас где-то здесь, в саду. Пошла!

Последнее предназначалось кобыле, которая и вправду побежала куда резвее то ли потому, что экипаж опустел, то ли ей и самой хотелось отсюда убраться.

Джейн снова повернулась к поместью. Медленно подошла к воротам, рассматривая сад, раскинувшийся за ними. Каблук соскользнул в широкую щель между камнями, и Джейн с раздражением выдернула ногу.

Все это было странно и непонятно. Макс не встретил ее у причала, предупредив, что купит на ее имя билет на поезд, прибывающий прямо в Вуденкерс. Она была несколько раздосадована этим, хоть и гордилась, что жених не держит ее за бестолковую неженку, которая не в состоянии сесть на поезд сама. Однако он не встретил ее и на перроне, где она быстро стала чем-то вроде достопримечательности. Дети, торговцы, любопытные дамы и даже собаки окружили ее, осмотрели с ног до головы, заляпали чемодан липкими ручонками – это дети, и обгавкали – собаки и дамы. К счастью, дежурный помог ей найти экипаж. И вот она здесь, в поместье Олдброков, но и тут ее никто не встречает!

Джейн покусала губы, легонько похлопала себя по щекам, заправила выбившиеся пряди за уши и поправила юбку. Она так долго ждала этой встречи и теперь волновалась, как перед экзаменом. Макс ей понравится, в этом она не сомневалась. Даже если окажется, что он хромой или коротышка, или и вполовину не так красив, как на фото, – пусть. В его письмах она нашла родственную душу, и это было больше, чем она могла мечтать. Однако вдруг она

его разочарует?

– Есть здесь кто-нибудь? – позвала Джейн, заглядывая в сад, однако ответа не дождалась.

Вдобавок ко всему на чемодан с бодрым стуком упали первые капли, а через мгновение лило так, будто наверху открыли вентиль. Вымокнув до нитки за какие-то полминуты, Джейн схватилась за прутья ворот и потянула на себя – безрезультатно. Ни колокольчика, ни звонка не нашлось.

– Эй! – выкрикнула она. Вспомнив совет извозчика, заложила пальцы в рот и совсем не аристократично свистнула.

Перед ней вдруг выросла мрачная фигура в черном, и Джейн, отпрыгнув назад от неожиданности, чуть не упала на чемодан.

Всклокоченная седая борода с застрявшими в ней листьями, темные, глубоко посаженные глаза под кустистыми бровями, скошенный лоб и огромные, как лопаты, ладони, черные от въевшейся земли, – мужчина обхватил пальцами прутья ворот, и сходство с гориллой, сидящей в клетке, стало невыносимым.

Джейн молчала, словно язык проглотив. Запоздало пришло осознание: если этот страшный садовник сейчас стиснет пальцы на ее шее, а после прикопает где-нибудь в саду под розами, то никто и никогда ее не найдет.

– Мне нужен Максимилиан Олдброк, – сказала она, и ее голос дал позорного петуха. Джейн откашлялась, вздернула подбородок, стараясь казаться уверенней. – Вы, наверное, Томас? Мне сказали, что вы где-то поблизости.

Вот так лучше. О нем предупреждали. Значит, если что, он будет главным подозреваемым.

Мужик толкнул ворота, застонавшие так протяжно, будто их не открывали целую вечность.

– Добро пожаловать, – просипел он, не сводя с Джейн глаз.

Щека его, перечеркнутая глубоким шрамом, прячущимся в бороде, дернулась от тика.

Джейн быстро пошла по дорожке, усыпанной гравием. Оглянулась убедиться, что садовник возьмет ее чемодан, но Томас, если это был он, так и стоял у ворот, глядя ей вслед.

– Черт знает что такое, – вполголоса выругалась Джейн, прибавляя шаг и едва не пускаясь в бег. Она выскажет Максу все, что думает по этому поводу. Пусть лучше найдет веское оправдание тому, что не встретил ее, иначе…

Что – «иначе», – Джейн не придумала. Она оказалась в чужой стране, без денег, без родных. В такой ситуации сложно устанавливать правила. Но Макс – джентльмен. А значит, должен вести себя подобающе.

Дорогу, протянувшуюся ровной линией от ворот к поместью, окаймляли самшитовые рамки, по обе стороны от которых цвели красные розы. Газон зеленел сочной травой, но местами был изрыт, словно по нему гарцевала лошадь. Позади протяжно заскрипели ворота, и Джейн снова обернулась – садовник нес ее чемодан, даже не скособочившись от тяжести.

Дом, заливаемый дождем, походил на угрюмого старика, выбравшегося на прогулку, но забывшего и собственное имя, и куда идет, и теперь подслеповато щурившегося окошками в пространство. Правую часть перестраивали и сделали чуть выше, и от этого казалось, что дом перекосило, точно одно плечо приподнялось над вторым. По серым каменным стенам карабкался плющ, а над черепичной крышей, поросшей мхом, торчал флюгер в виде танцующей пары. Цилиндр был так глубоко натянут на голову кавалера, будто ее не было вовсе, а дама словно отталкивала мужчину, силясь вырваться из его ржавых объятий.

Женщина, поднявшаяся с кресла на веранде, поправила съезжающую с плеч меховую накидку, взялась крепче за трость с костяным набалдашником и стала спускаться по ступенькам. Тук, тук, тук – трость стучала все быстрее, дама шла вперед, невзирая на дождь, и Джейн остановилась, пытаясь унять охвативший ее иррациональный страх. Обернулась – садовник был в нескольких шагах. Посмотрела вперед – и едва не отшатнулась от женщины, оказавшейся совсем рядом.

– Добрый день, – выпалила Джейн, изо всех сил стараясь выглядеть спокойно и доброжелательно. – Я Джейн Уокер. Приехала по приглашению Максимилиана Олдброка. Могу я его увидеть?

Дама слегка изогнула бровь, а ноздри ее длинного хрящеватого носа раздулись, будто бы она сердилась, или принюхивалась. Гладкие седые волосы, собранные в пучок на затылке, украшала заколка с крупным янтарем, и такими же неожиданно яркими оказались глаза женщины. Вода стекала по ее жесткому лицу, собираясь ручейками в скорбных складках, пролегших от крыльев носа к уголкам губ.

– Боюсь, что нет, – ответила она низким и глубоким голосом. – Если вы и увидитесь с Максом, то, надеюсь, очень и очень не скоро, юная мисс.

– Вот как? – нахмурилась Джейн, убирая мокрые пряди, прилипшие ко лбу. – Он куда-то уехал?

Вероятно, у него возникли неотложные дела. Может, что-то связанное с организацией свадьбы. Поэтому он и не встретил ее на перроне…

– Он умер, – ответила дама, и Джейн вдруг стало трудно дышать. А потом женщина произнесла нечто и вовсе нелепое. – Мой сын Максимилиан Олдброк трагически погиб двадцать лет назад.

* * *

– Это невозможно, – пробормотала Джейн снова, внимательно глядя в чашку чая, словно там могли найтись ответы на вопросы, роящиеся в голове.

– Увы, – вздохнула миссис Олдброк, которая вовсе не выглядела расстроенной. Напротив, щеки ее порозовели, а глаза так и сияли.

Хозяйка поместья носила строгий траур. Черное платье с воротником-стойкой сковывало ее тело, как панцирь, оставляя открытыми только кисти рук с холеными тонкими пальцами. В гостиной, куда пригласили Джейн, было тепло, но не особенно уютно. Лаконичные портьеры, потемневший паркет, свечи в канделябрах – вот и все убранство. Никаких безделушек на каминной полке или

вязания на подлокотнике кресла. В высокой вазе на столе стояли красные розы, такие свежие, будто их срезали минуту назад, и их аромат мешался с едва уловимым запахом псины, исходящим от меховой накидки. Хозяйка небрежно бросила ее у камина, от мокрой шерсти поднимался пар, и казалось, что это собака растянулась у огня, отогреваясь после прогулки.

Джейн и сама бы не отказалась лечь на коврик у камина. Внезапный дождь вымочил ее до нитки, а мышцы устало гудели после долгого путешествия. Миссис Олдброк заботливо укутала ее в шерстяной плед и заставила сменить туфли на мягкие теплые тапочки. Видимо, сюда нечасто наведываются гости, и одинокой даме это казалось приятным и забавным приключением, но только не Джейн.

– Но все эти письма… – произнесла она. – Фотография…

Нелепая идея со сватовством на расстоянии приобрела реальность, лишь когда Джейн увидела фото. С тех пор она рассмотрела карточку до мельчайших подробностей: высокий лоб, светлые, чуть вьющиеся волосы, густые темные брови, проницательные глаза. Черты мягкие и правильные, но при этом без всякого жеманства или игривости, суровая мужская красота. Губы под тонкой щеткой усов твердо сжаты, но стоило лишь представить, что эти губы однажды коснутся ее, как странное томление поднималось жаркой волной по телу.

– Покажите, – потребовала миссис Олдброк, протянув руку.

Джейн вынула из сумочки записную книжку, нашла карточку между ее страниц и отдала даме.

– Это не он, – сказала та, лишь мельком глянув на фото и вернув его Джейн. Подняв тяжелую трость, указала ею на портрет, висящий над камином. – Вот мой Макс.

С портрета улыбался юноша. Темные волосы щеткой, фамильный крупный нос, кажущийся еще длиннее на узком лице, карие глаза. Джейн поежилась и запахнулась в плед плотнее, не в силах оторвать взгляд от портрета. Пламя плясало в камине, и лицо мужчины то светлело, то уходило в тень, неуловимо меняясь, и казалось, что улыбка переходит в оскал.

– Марта, приготовь нашей гостье комнату, – приказала миссис Олдброк безмолвной служанке, и Джейн, вздрогнув, посмотрела на хозяйку дома.

– Я не могу… – начала Джейн.

– Все вы можете, – отмахнулась дама. – Мне жаль, что вы попали в такую досадную ситуацию. Хотя меня удивляет, что родители отпустили вас в такую даль.

– Они умерли, – ответила Джейн, отпив остывший чай. – Я осталась с тетей, и та решила устроить мою судьбу.

Миссис Олдброк сочувственно вздохнула.

– Я настаиваю, чтобы вы погостили у меня какое-то время, – произнесла она. – Этим вы окажете мне большую любезность. Я живу здесь совсем одна и буду рада, если вы скрасите мое одиночество.

Джейн положила в рот крохотное печенье, которое растаяло во рту, обволакивая его коричным удовольствием. Денег на обратный билет нет, да и возвращаться ей нельзя. Небольшого запаса хватит лишь на пару недель в гостинице. Надо найти работу, жилье, а пока гостеприимность миссис Олдброк весьма кстати.

– Благодарю вас, – кивнула Джейн. – Я с радостью воспользуюсь вашим предложением.

– Прекрасно, – просияла улыбкой миссис Олдброк. – Вы, вероятно, устали с дороги. Хотите принять ванну?

– Да, – ответила Джейн. – Большое спасибо, миссис Олдброк.

– Зовите меня Сильвия, – неожиданно предложила та. – Знаете, это так захватывающе – пересечь Атлантический океан, чтобы выйти замуж за незнакомца.

– Вы считаете меня авантюристкой?

– Я считаю, что вы весьма интересная особа, Джейн. Позволите звать вас по имени?

– Разумеется.

– Хотя вы несколько легкомысленны, – укоризненно заметила Сильвия.

– Вы тоже, – ответила задетая Джейн. – Живете отшельницей, однако охотно соглашаетесь приютить случайную гостью. А ведь я могла все это придумать, чтобы проникнуть в поместье.

– И зачем же вам это? – поинтересовалась дама, слегка склонив голову к плечу. Ее глаза вспыхнули золотом, отразив огонь.

– Что-нибудь украсть, – пожала плечами Джейн.

– Значит, мы обе легкомысленные, – усмехнулась миссис Олдброк. – Похоже, у нас есть что-то общее, Джейн. Я покажу вам комнату. – Она поднялась с кресла, позабыв про трость, и направилась к широкой лестнице. – Она теплая, и окна выходят в старый сад. Вам понравится.

– Спасибо, – пробормотала Джейн, идя следом за дамой.

Миссис Олдброк поднялась на второй этаж, повернула в коридор направо и распахнула дверь в комнату, где служанка расставляла цветы.

– Довольно, Марта, можешь быть свободна, – сказала Сильвия, и служанка тут же вышла, бросив взгляд на Джейн. – Вы любите розы?

Однако Джейн оторопело смотрела вслед служанке. Вряд ли она видела ее раньше: темные волосы, темные глаза, мелкие черты лица и чуть выступающие резцы, как у мышки. Но во взгляде Марты сверкнула злость. Может, оттого, что ей досталась дополнительная работа?

– Да, разумеется, я люблю розы, – спохватившись, ответила Джейн. Она подошла к букету и передвинула тугие стебли, но, охнув, тут же отдернула палец. Красная капля выступила на подушечке, и миссис Олдброк вдруг схватила

Джейн за руку и склонилась к ранке.

– Кажется, ничего серьезного, – пробормотала Сильвия.

– Сложно изувечиться цветами.

Миссис Олдброк не улыбнулась неловкой шутке. Она пристально посмотрела на Джейн, так что той стало неловко.

– Будьте осторожны, – потребовала дама, словно речь шла не о пустяковой царапине, а о чем-то большем. – Пообещайте, что будете осторожны, Джейн.

– Разумеется, – пробормотала она, высвобождая руку от неожиданно крепкой хватки и промокая палец платком.

– Что ж, чувствуйте себя как дома, дорогая, я буду внизу, – сказала миссис Олдброк. – Ужин в восемь.

Джейн выдохнула с облегчением, когда дверь за Сильвией закрылась.

Чемодан уже стоял у широкой двуспальной кровати, застеленной свежим бельем. Распахнутый шкаф словно приглашал развесить в нем вещи. На столе стояли письменные принадлежности, и, выдвинув ящик, Джейн обнаружила стопку чистой бумаги. Занавески колыхались, и за открытым окном раскинулся старый яблоневый сад, где на ветвях наливались плоды, умытые дождем. Пахло влажной землей и густой сладостью роз, вдали виднелись изогнутые спины холмов, манящие бархатной зеленью, и Джейн присела на подоконник, представляя, как все могло бы быть.

Она жила бы здесь с мужем, который, конечно, стал бы любимым. У них родились бы дети, и сад наполнился смехом и весельем, а миссис Олдброк сидела бы на веранде, кутаясь в меховую накидку, словно в волчью шкуру, и приглядывала за внуками своими янтарными глазами.

Тоска царапала изнутри, не давая покоя, но Джейн не стала себя накручивать. Да, все вышло не так, как она надеялась, но раз уж изменить ситуацию не получится, надо принять то, что есть.

Спрыгнув с подоконника, она отправилась в ванную комнату и с восторгом обнаружила несколько сортов мыла, шампуни и кремы, зубной порошок, мягкие полотенца и чистую горячую воду. Несмотря на жалобы на одиночество, миссис Олдброк держала гостевую спальню в полной готовности, словно предчувствуя, что скоро она понадобится.

Грусть по несбывшемуся постепенно уходила, словно смываемая водой, а на ее место явилась злость. Кто-то подшутил над Джейн, глупо и жестоко. А заодно и над миссис Олдброк, потерявшей сына.

Джейн этого так не оставит.

Глава 2

Многообещающее знакомство

Ральф Рейнфорд знал, что нравится женщинам. Иногда это было приятно, чаще доставляло лишние хлопоты, но обычно он относился к этому факту равнодушно. Ему повезло появиться на свет зеленоглазым блондином, у него были отличные зубы, развитая благодаря боксу мускулатура и высокий рост. Он умел придавать своему голосу те бархатные интонации, от которых женщины так и млели, а на правом предплечье остался шрам от волчьих зубов, который можно было демонстрировать в приватной обстановке. В общем, Ральф привык к восхищению, но такой реакции на себя еще не видел.

Девушка, распахнувшая двери в его кабинет, буквально остолбенела, а ее рот – с пухлыми розовыми губками – приоткрылся. Она явно была поражена, и это приятно согрело сердце, поскольку и сама посетительница радовала глаз: рыжие кудри, обрамляющие хорошенькое личико, голубые глаза, стройная фигура и бесконечно, умопомрачительно, волнующе длинные ноги, обтянутые бриджами для верховой езды. Из приемной, словно легкий шум моря, доносилось неодобрительное шипение миссис Пампкин. Такие бриджи не надела бы ни одна дама Вуденкерса, а значит, перед ним та самая американка, остановившаяся у Олдброков, о которой ему прожужжали все уши.

– Чем могу быть полезен, мисс? – спросил он тем самым особенным бархатным голосом, приподнимаясь с кресла.

И тут девушка вдруг словно отмерла, а после быстро приблизилась и, замахнувшись, огрела его зонтом.

– Ах ты негодяй! – крикнула она и стукнула его снова. – Подонок!

– Стойте! – выпалил он, прикрываясь руками. – Что вы делаете?

– Чем он может быть полезен… – На ее щеках разгорелся воинственный румянец. – Подлец! Скотина!

Прикрываясь руками, он позорно сбежал на другую сторону стола, но дамочка, обхватив рукоятку зонтика, больно ткнула им в спину, словно шпагой, а после, размахнувшись сумочкой на длинной ручке, ударила ею, словно пращой.

– Прекратите сейчас же! – потребовал он, поймав сумочку и дернув на себя.

От рывка девушка упала на стол животом, но тут же сгребла попавшую под руку пепельницу и запустила ею в Ральфа. Тяжелый хрусталь ударил в бок, пепельница с грохотом упала на пол и раскололась надвое. Ральф, шикнув от боли, пошел в наступление. Он метнулся к мисс, схватил ее за руки – и очень вовремя, ведь незнакомка уже тянулась к чернильнице, сделанной, между прочим, из мрамора, – и, заведя их ей за спину, прижал к себе.

– Что у вас тут происходит? – спросила миссис Пампкин, появляясь на пороге.

Девушка прорычала что-то бранное сквозь сжатые зубы и дернулась, пытаясь вырваться, а Ральф запоздало сообразил, что со стороны это смотрится весьма провокационно: они стояли посреди кабинета, тесно прижавшись друг к другу. Миссис Пампкин станет звездой на ближайшем собрании сплетниц, которое отчего-то именуется книжным клубом.

– Я разберусь, – рявкнул он в сторону секретарши.

– Я вас засужу, – прошипела мисс, пытаясь высвободить запястья и ерзая в его объятиях.

– Я сделаю чай, – произнесла миссис Пампкин, исчезая в дверях.

– Вы меня обманули! – выкрикнула девушка, вздернув подбородок.

– Да я вас впервые вижу, – возмутился Ральф, разглядывая ее лицо.

Такую бы он не забыл: уж очень приятно оказалось ее обнимать. Обычно ему приходилось наклоняться к женщинам, но, вздумай он поцеловать незнакомку, ее губы были почти напротив. И все ее выпуклости и вогнутости отлично совмещались с его телом.

– Конечно, впервые, – воинственно ответила девушка. – Я ведь только вчера приехала!

– Так чем же я успел провиниться, что вы с ходу явились швыряться в меня пепельницами?!

– А то вы не знаете? – нелогично спросила она, сдувая с глаз рыжую прядку.

– Понятия не имею!

Он осторожно отпустил ее руки, сразу попятившись на несколько шагов в направлении двери. Если эта сумасшедшая снова станет кидаться, закроет ее в кабинете, тут все равно нет ничего ценного, кроме коробки со старыми делами. Однако американка, полоснув его негодующим взглядом, подняла свою сумочку с пола, вынула записную книжку в суровой кожаной обложке и достала фотокарточку, приютившуюся между страницами.

– Вот, – обличающе сказала она. – Мои доказательства.

– Это мое фото, – узнал Ральф. – Откуда вы его взяли?

– Значит, вы отрицаете, что прислали его мне, чтобы заманить в эту вашу английскую глушь? – в голосе девушки все еще звучало недоверие, но теперь к

нему добавилась растерянность.

– Отрицаю, – сказал он. – Я понятия не имею, откуда у вас мое фото.

– Поклянитесь, – потребовала она.

– Чтоб мне всю жизнь есть пироги мисс Блювенгейз!

– Они вкусные? – с подозрением уточнила девушка.

– Отвратительные.

Ральф указал на стул для посетителей, а сам, одернув рубашку и жилет и исподволь ощупав ребро, куда прилетела пепельница, опустился в кресло напротив.

– Итак, мисс…

– Уокер, – мрачно ответила девушка, садясь на краешек стула. – Джейн Уокер.

Она пригладила волосы, потерла тонкие запястья, наверняка саднившие после его хватки. Грудь ее часто вздымалась, и Ральф приложил все свои усилия, чтобы смотреть только в глаза.

– Ральф Рейнфорд, инспектор полиции Вуденкерса, – представился он. – Давайте начнем сначала. Потрудитесь объяснить, какова цель вашего визита и откуда у вас моя фотография.

Джейн Уокер, хмурясь, покусала губы, снова заправила непокорную кудрявую прядь за ухо, а после кивнула.

– Я прибыла из Америки в поместье Олдброков, чтобы вступить в брак с Максимилианом Олдброком, – четко произнесла она, и Ральф мысленно перевел дух. Допрос дамочек обычно сродни плутанию по дремучему лесу, но эта, кажется, излагала мысли здраво. Кроме маленькой детали.

– Максимилиан Олдброк погиб больше двадцати лет назад.

– Но я-то не знала! – возмутилась мисс Уокер. – Он… Вернее, кто-то от его имени присылал мне письма. И фото.

– Мое фото?

– Очевидно, ваше, – фыркнула она. – А когда я приехала, обнаружилось, что все это глупая шутка!

Ральф покивал.

Дверь приоткрылась, и в кабинет протиснулась миссис Пампкин. Она опустила на стол поднос с чашками и тарелкой с печеньем, поправила веточку вереска в тонкой вазе.

– Спасибо, – поблагодарил он, и секретарша нехотя удалилась, бросая любопытные взгляды на американку.

Мисс Уокер положила в чай две ложки сахара и ожесточенно его размешала.

– И вы, обнаружив обман, решили обратиться в полицию, – продолжил он.

– Именно так, – подтвердила девушка, сердито на него глянув. – А тут вы… И ваше лицо… Хотя на фото вы с усами, но я сразу узнала. И я подумала…

Мисс Уокер смутилась, запнулась и, покраснев, посмотрела в окно.

– Я требую, чтобы вы нашли преступника и жестоко его наказали, – суровым голосом произнесла она.

– Значит, жестоко, – развеселился он, откидываясь на спинку кресла и рассматривая гостью. – Избить его зонтиком, как вы меня?

– Я требую, чтобы его судили со всей строгостью закона, – ответила мисс Уокер, повернувшись к нему, а после с подозрением прищурила глаза. – Или вы все же

замешаны в этой истории…

– Я тут ни при чем, – он поднял ладони вверх. – Я не собираюсь жениться, и уж тем более у меня нет нужды искать себе жену за океаном, – он покосился на неплотно закрытую дверь и добавил чуть тише: – И тут желающих с избытком.

– Вот письма, – девушка достала тонкую пачку конвертов, перевязанных синей ленточкой, и подала ее через стол. – Возможно, где-то в них есть зацепка.

– Судя по штампам, отправляли их из Шелстоуна, – глянул он. – Это соседний город, довольно большой.

– Но фото он взял ваше, – резонно напомнила мисс Уокер. – Значит, преступник, скорее всего, отсюда.

– Я понимаю ваше возмущение, – мягко произнес Ральф, кладя ладони на стол. – Вы стали жертвой розыгрыша, обманулись в лучших надеждах, потратились на дорогу…

– Ничего я не тратилась. Он оплатил мне билет.

– Что? – насторожился Ральф.

– Разумеется, он купил мне билет. Вы знаете, сколько стоит пересечь Атлантику первым классом?

– Первым классом? – он вновь откинулся на спинку кресла, рассматривая девушку.

Растрепанная после недавней схватки, румяная и сердитая – она казалась еще более очаровательной, чем тогда, когда лишь открыла дверь. Верхняя пуговка на белой блузке расстегнулась, обнажая нежную ямку между ключицами.

– Что вы все переспрашиваете? – возмутилась мисс Уокер, и он поднял взгляд. – И вы так и не ответили, откуда у преступника ваша фотокарточка!

– Я фотографировался для статьи, – ответил он. – В местную газету. Это явно из тех фотографий, я тогда носил усы.

– Значит, это фотограф! – с энтузиазмом воскликнула она. – Вы должны арестовать его, пока он не заманил сюда кого-то еще.

Живо представив себе толпу американок, вооруженных зонтиками и нападающих толпой, Ральф передернул плечами.

– Давайте прогуляемся к нему вместе, – предложил он, снова глянув на щелку в дверном проеме. – Заодно я хотел бы уточнить некоторые детали.

Стопка писем упала в ящик его стола. Почерк был угловатый и резкий. Фотография вернулась в сумочку мисс Уокер, и Ральф не стал ее забирать. Это было даже приятно – то, что американка приехала в Вуденкерс, чтобы выйти замуж за мужчину с его лицом, пусть и в результате розыгрыша. Однако была деталь, которая не давала отнестись к этой истории легкомысленно: билет на пароход первым классом из Америки стоил целое состояние. Никто не стал бы покупать его ради шутки. А значит, девушку заманили сюда с какой-то целью, и Ральф чувствовал себя охотничьим псом, взявшим след лисы после череды безобидных зайцев.

За три года, что он провел в Вуденкерсе, здесь не произошло ни одного стоящего преступления. Сбежавшая свинья, повалившийся дорожный столб, порчи, сглазы и проказы фейри, в которых истово верили почтенные дамы, кража кур – вот с чем ему приходилось иметь дело. Самым громким происшествием стала как раз разбитая витрина фотомастерской, откуда, видимо, и утащили фотографию Ральфа, висевшую среди прочих в качестве образца.

– Вы остановились у Олдброков? – спросил он, надевая котелок и открывая перед мисс Уокер дверь.

– Да, миссис Олдброк любезно предложила мне погостить у нее.

– Как долго вы там пробудете?

Она лишь неопределенно пожала плечами и попрощалась с миссис Пампкин.

– Мисс Уокер, – окликнула та ее и подала забытую шляпку. – От лица всех дам Вуденкерса я рада приветствовать вас в нашем милом городке.

– О, благодарю, – пробормотала та.

– В эту субботу состоится очередное собрание нашего книжного клуба. Мы будем обсуждать последний роман Черети Крик.

– Боюсь, я его не читала.

– Никто не читал, – отмахнулась миссис Пампкин. – Мы собираемся во время послеобеденного чаепития. На этой неделе – у мисс Блювенгейз.

– Спасибо за приглашение, – ответила мисс Уокер, однако Ральф про себя отметил, что она не дала обещания прийти.

– Не стоит вам туда ходить, – произнес он, пропуская ее на крыльцо.

– Отчего же? Из-за знаменитых пирогов мисс Блювенгейз?

Мисс Уокер надела шляпку, прижав непокорные кудри, а после достала из кармана жакета белые перчатки.

– Не только, – ответил Ральф, не зная, как подобрать слова. Очевидно, что мисс Уокер окажется рыжей вороной в чопорном дамском клубе. Вся она, начиная с эпатажных брюк и заканчивая кончиком вздернутого носа, выбивалась из общепринятых стандартов. Голубые глаза, кажущиеся еще ярче под синей шляпой, смотрели на него вопросительно. – Это не книжный клуб, а змеиное гнездо, – решился он.

Она лишь усмехнулась.

– На вашей должности не пристало бояться женщин.

– Если кого-то и стоит бояться, то только вас, – возразил Ральф. – Женскому коварству нет границ. К тому же подумайте сами, поддельный мистер Олдброк заманил вас в Англию одними лишь письмами. Сколько их там, кстати, шесть? Семь?

– Восемь, – ответила Джейн.

– Очевидно, преступник хорошо знает женскую психологию. Возможно, и сам он – женщина.

– Тогда я тем более пойду в этот клуб, – заявила Джейн. – Мне нравится ход ваших мыслей, мистер Рейнфорд. Но сначала – к фотографу. Пока что он наш главный подозреваемый.

Ральф еле сдержался, чтобы не закатить глаза.

– Не помню, когда мы с вами успели стать напарниками.

– Кстати, я ищу работу, – невозмутимо сообщила Джейн.

– Боюсь, место секретаря надежно занято миссис Пампкин, – оглядевшись, он поинтересовался: – Где ваша лошадь?

– Я пришла пешком.

Джейн завернула поля шляпки и теперь по-кошачьи жмурилась на солнце.

– Так любите гулять?

– Слуга отказался оседлать мне коня.

– Томас? – Ральф задумчиво почесал подбородок. – Хоть здесь давно не видели волков, но все же не стоит вам гулять в одиночестве. Вы устали, мисс Уокер? Взять кеб?

– Не надо, – отказалась она.

* * *

Мужчина, который шагал рядом, выглядел уверенным и невозмутимым, как индейский вождь. Поморщившись, Джейн решила подобрать другой эпитет, не вызывающий в ней ненужных воспоминаний. Пусть будет – как скала. Хотя Ральф Рейнфорд точно не был каменным. Его тело оказалось горячим и очень сильным, что она успела прочувствовать в полной мере в его объятиях. Она так часто рассматривала его лицо на фотографии, а теперь ее мечта словно ожила и задышала: кровь потекла по венам, кожа окрасилась в здоровый теплый тон, как у любителя долгих прогулок, подбородок потемнел от щетины, а глаза зазеленели. Она отчего-то думала, что у Макса серые глаза, и эта теплая зелень была как удар под дых. Вчера она смирилась с тем, что мужчины, за которого она собиралась замуж, нет вовсе, а теперь он идет рядом, вполне себе живой и здоровый, и в уголках губ, поцелуй которых она иногда представляла себе перед сном, прячется улыбка. А еще он выше ее как минимум на три дюйма!

Джейн отправилась в полицию с самого утра, отбросив все сомнения. Возможно, миссис Олдброк сочла бы, что это стыдно – выставить себя жертвой мошенника, и попыталась бы ее отговорить, но Джейн улизнула еще до того, как та проснулась. Да, ее обманули, да, воспользовались доверчивостью и сложной ситуацией, но ведь она не сделала дурного. Стыдно должно быть преступнику – так она решила, а после отправилась в Вуденкерс пешком, потому что Томас отказался седлать ей коня, только пялился своими черными непроницаемыми глазами и молчал. Но тучи рассеялись и солнце ярко светило, и теперь он выглядел обычным одичавшим мужиком, а не жутким чудовищем.

Пешая прогулка получилась отличной, хотя Джейн все же взяла с собой зонтик, помня о коварстве английского неба. Дорога сперва шла через рощу, а после вывела к ферме, откуда уже виднелись крыши Вуденкерса, укрытые потемневшей от дождей соломой. Городок спал в долине, окруженный холмами, словно серый кот, свернувшийся в корзинке, и Джейн быстро дошагала до него, радуясь хорошему дню.

Полицейский участок ей показал разносчик газет. Двухэтажное здание из серого камня выделялось разве что королевским флагом у входа. Потом дама с рыжеватыми буклями, побитыми сединой, ткнула коротким пухлым пальчиком на дверь с табличкой «Главный инспектор Ральф Р. Рейнфорд».

– Наш мистер Ррр на месте, – так сказала та женщина, захихикав.

И ничего не предвещало того, что произошло после.

Теперь же Джейн сгорала от стыда, хотя мистер Ррр выглядел вполне благодушно.

– Я прошу прощения, – произнесла она. – Мне очень неловко за свое поведение.

– Ваши извинения приняты, – сразу ответил он. – Руки не болят? Я, возможно, был не слишком деликатен…

– Все в порядке. Я куплю вам новую пепельницу.

– Не стоит, я не курю. Это для посетителей. Но так даже лучше – пусть дымят на крыльце. Расскажите о себе, мисс Уокер.

Она нахмурилась, думая, что именно ему сообщить.

– Я должен понять мотивацию преступника, – пояснил мистер Рейнфорд. – Зачем ему понадобились именно вы. Вы богаты?

– Нет, – ответила Джейн.

– Никаких возможных наследств не предвидится?

– Боюсь, что нет. Я сирота.

– У вас есть враги?

– Я о них не знаю.

– Какая-нибудь ревнивая соперница?

Джейн непонимающе на него посмотрела.

– Я не мог не заметить, что вы весьма привлекательны, – сказал он, глядя прямо перед собой. – Какая-нибудь дама могла захотеть избавиться от вас. Придумать английского джентльмена, чтобы вы отправились к нему. И оказались подальше от кого-то другого. Понимаете? То есть вас хотели не заманить, а наоборот – выставить.

– Но письма приходили отсюда.

– Не так уж сложно это провернуть, если есть сообщник. У вас был жених в Америке?

Джейн помолчала, но потом все же ответила:

– Ради него никто не стал бы крутить интригу с конвертами.

– Значит, был.

– Нет. Он не был моим женихом, – помрачнела она.

– Кто же он? Любовник? Если он уже был женат, то его супруга…

– Как вы смеете! – возмутилась Джейн и остановилась посреди дороги. – Если бы я уже не побила вас, то сейчас бы точно дала пощечину.

Инспектор Рейнфорд тоже остановился и повернулся к ней.

– Прошу прощения, – церемонно произнес он. – Давайте будем считать, что первый удар зонтиком я получил за это невольное оскорбление.

Джейн подтянула сумочку, сползающую с плеча, взяла зонт в другую руку и кивнула.

– Однако вы о чем-то, вернее, о ком-то, умалчиваете. Давайте я понесу ваш зонт, так мне будет спокойнее задавать вам вопросы, – он забрал зонт и зашагал дальше. – Знаете, мисс Уокер, это странно, что такая девушка, как вы, не сумела устроить свою личную жизнь на месте. Да, характер у вас…

– У меня отличный характер, – огрызнулась Джейн.

– Несколько вспыльчивый. Хотя некоторые могут посчитать это достоинством.

– Но, очевидно, не вы, – усмехнулась она.

– После того, как мое ребро встретилось с пепельницей, – нет, – ответил инспектор Рейнфорд. – Так что же вы скрываете, мисс Уокер?

Джейн помолчала какое-то время, искоса поглядывая на него. Такие знакомые черты, изученные ею по фото до каждой реснички, но, по сути, он незнакомец, и то, что спрашивает, к делу не относится.

– Ваши подозрения беспочвенны, – ответила она холодно. – Вы копаете не в том направлении, мистер Рейнфорд.

Город блестел, умытый дождем, и босоногие дети, чумазые, как поросята, бегали по лужам с радостными криками. На порог дома, распахнувшего ставни, точно радушный хозяин, приветствующий гостя, вышла женщина. Она деловито зачерпнула ведром рыжеватую грязь из придорожной канавы, вылила туда полную чашку густой бордовой жижи и тщательно перемешала все длинной палкой. После поставила ведро на порог и, закатав рукава, зачерпнула густую грязь ладонями.

– Закрою глаза, запечатаю уши и нос, – монотонно бормотала она, обмазывая грязью дверной проем. – Заткну пасть.

Заинтересовавшись, Джейн невольно замедлила шаг. Дети играли, солнце ярко светило, инспектор равнодушно мазнул взглядом по ведру и отвернулся.

– Не увидишь, не услышишь, не почуешь, не съешь, – бубнила женщина. – Закрою глаза, запечатаю уши и нос, заткну пасть. Не увидишь, не услышишь, не почуешь, не съешь…

Справившись с дверью, она скрылась в доме, а Джейн быстро сунула нос в ведро. Запах крови был отчетливым, как след на снегу. Женщина появилась из дома с маленькой скамейкой и, взгромоздившись на нее, зачерпнула грязь,

смешанную с кровью, и провела ею по оконной раме.

– Не увидишь, не услышишь, не почуешь, не съешь…

– Что она делает? – шепотом спросила Джейн, когда они отошли подальше.

– Проводит ритуал. Здешние жители полны предрассудков, тьма их сознания удручает.

– Какой во всем этом смысл? – не отставала Джейн.

Она обернулась – тетка уже переставила скамейку к другому окну.

– Вероятно, в том, чтобы создать себе дополнительную работу, ведь после придется все это отмывать. – Мистер Рейнфорд вздохнул. – Эта невежественная женщина думает, что если смешать грязь, взятую у порога, с кровью домашнего животного, а после изгваздать ею все проемы, то волк пройдет мимо. Хотя это нелогично. Запах крови привлекает волков, они – падальщики…

– …и она приносит ему в жертву эту кровь добровольно, – поняла Джейн. – Чтобы он не взял больше. Все очень логично.

– Обычно жители Вуденкерса более адекватны, – с досадой добавил инспектор. – Но сейчас начинается волчье время, а значит – дикие ритуалы, пьяное хулиганство и краденые куры. Это так унизительно. Каждый год одно и то же. Отчего-то своя курица для жертвы не годится, нужна именно соседская.

– Потому что волк тоже берет чужое, – кивнула Джейн.

– Очевидно, вам традиции Вуденкерса куда понятнее, чем мне…

– Почему вы не взяли эту женщину с поличным?

– К счастью, большинство жителей договариваются заранее, каких именно животных или птиц красть друг у друга, и претензий не имеют. – Мистер Рейнфорд вдруг остановился, крепко обхватил Джейн за локоть и развернул к себе. Зеленые глаза смотрели на нее пытливо и внимательно. – А теперь

отвечайте, мисс Уокер. Кем был тот мужчина? Из-за кого вы и сами хотели уехать подальше?

Джейн пыталась уйти от ответа, но мистер Ррр вцепился в нее, точно клещ.

– Мы же напарники, мисс Уокер, – насмешливо напомнил он. – Нехорошо утаивать информацию от партнера.

И постепенно она рассказала ему обо всем: о странном увлечении мамы обычаями коренных американских народов, о ее быстрой смерти от гриппа и пугающих подарках, которые стали появляться после. Цветы, фигурки животных, вырезанные из дерева, пучки перьев – они возникали словно из ниоткуда. Джейн переехала к тете, надеясь сбежать от преследования, но на следующее утро нашла орлиное перо на своей подушке.

В Эль-Райо жили в мире с индейцами, понемногу торговали и старались не нарушать хрупкое равновесие. Все помнили о крови, что впитала сухая земля. Джейн не хотела провоцировать конфликт и надеялась, что все закончится само собой, однако ее тетя не сумела держать язык за зубами, и вскоре весь город судачил о том, что на мисс Уокер положил глаз индейский вождь, ведь орел – его тотем. Остальные мужчины даже боялись смотреть в ее сторону, чтобы не перейти ему дорогу.

И тут появился Максимилиан Олдброк. Тетина подруга играла в бридж с дамой, чья кузина переехала из Англии. У той была знакомая, которая помогала людям устраивать личную жизнь. Она никак не могла подыскать партию для Макса. Он написал Джейн. Поначалу она не думала, что из этого выйдет что-то серьезное, но потом… Впрочем, ничего и не вышло.

– Что ж, мне все понятно, – сказал мистер Рейнфорд. – Очевидно, главное действующее лицо этой аферы – ваша тетя. Через нее к вам попало первое письмо, и наверняка это она подбрасывала подарочки от вождя, чтобы запугать вас и выставить из дома. Бедная родственница свалилась ей на голову, но лишняя ответственность никому не нужна. И вот появляется индеец, а следом английский джентльмен. Выбор очевиден, и мисс Уокер отчаливает к далеким туманным берегам, чтобы остаться там навсегда. Ведь нет смысла возвращаться туда, где репутация подмочена, – об этом тетя позаботилась тоже. Для молодой незамужней девушки, без приданого и поддержки семьи, слухи могут стать

серьезным препятствием к браку. Пусть даже такие дурацкие. Кстати, раз уж мы заговорили о вашей репутации, примите добрый совет: на собрание сплетниц постарайтесь надеть что-нибудь менее провокационное.

– Давайте проясним, – выпалила Джейн, закипая от злости.

– Давайте, – охотно согласился инспектор, а его зеленые глаза рассматривали ее с любопытством энтомолога.

– Во-первых, – Джейн подняла руку и ткнула его в грудь указательным пальцем, – вопреки вашим домыслам, вождь действительно существует. Быстрый Охотник – так его зовут.

– Интересно, как бы звали вас на индейский манер, – хмыкнул он. – Бешеная Фурия? Джейн Острый Зонт?

– Я попросила прощения, и вы мне его дали, – напомнила Джейн. – Во-вторых, – она снова ткнула его пальцем, – он хотел взять меня в жены. Еще когда я была подростком, он говорил об этом с моей матерью, но она, разумеется, была против. Он отступил. В его племени слышат женщин.

– Значит, вождь хотел сделать вас своей скво, – кивнул инспектор. – Любитель острых ощущений? Жаль, его допросить не удастся. Это было бы интересно.

– Мама писала книгу об обычаях его племени, когда я ее закончу, вы сможете приобрести экземпляр и узнать больше.

– Обязательно приду к вам за автографом. Ох, мисс Уокер, я благодарю провидение, которое прислало вас сюда. Вы не представляете, насколько это занимательнее, чем обычные мои дела. Есть еще «в-третьих»? Или вам нравится слушать биение моего сердца?

Опомнившись, Джейн убрала ладонь с его груди.

– Моя тетя ни при чем. Она безобидная пожилая дама. Болтливая и, боюсь, не слишком умная, но не желающая мне зла.

– От таких всегда проблемы, – вздохнул он.

– Возможно, вы правы в том, что она не была мне особенно рада. Она не ладила с моей матерью, да и со мной не была близка. Но ничто не мешало ей просто выставить меня вон.

– Тут вы сильно ошибаетесь, – возразил мистер Рейнфорд. – Для таких дам обычно очень важно общественное мнение. Если бы она отказала вам от дома, оставила в беде осиротевшую племянницу, ее бы осудили, заклеймили позором и не позвали на очередное женское собрание. Чем там в Эль-Райо занимаются дамы на досуге? Тоже читают?

– Рукодельничают, – сердито ответила Джейн. – Лоскутные одеяла и вышивка.

– Совсем другое дело, если тетя устроит бедной сиротке выгодный брак…

– Но письма писала не тетя, это точно. И билет первым классом она бы не купила. Главное действующее лицо – это тот человек, что писал мне. Макс. Мне не верится, что те письма от преступника, что все они ложь. Макс словно знал меня, мои страхи и мечты, он стал мне близким человеком…

– А фотография? – невинно уточнил инспектор. – Она сыграла решающую роль?

– Скорее, я приехала вопреки ей, – фыркнула Джейн. – Внешность – не главное, и я решила, что смогу выйти замуж за этого мужчину, несмотря на его очевидные недостатки. У вас несимметричные брови, вы знаете об этом?

Инспектор рассмеялся, и Джейн невольно улыбнулась в ответ.

– Да, ситуация странная, но не стоит думать, что я приехала к вам, – добавила она, слегка приподняв подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза. – Вы здесь, видимо, считаетесь завидным женихом, мистер Ррр, но мне вы нужны лишь как представитель закона.

– Мистер Ррр? – он снова улыбнулся и, обхватив ее локоть, притянул к себе, чтобы позволить пройти мужчине в черном костюме.

– Эта ваша привычка переспрашивать – просто ужасна, – сказала Джейн, отталкивая его. – И не смейте меня обнимать! Вы же так радеете о моей репутации!

– Я не мог позволить трубочисту испачкать вас. Зачтем за этот проступок второй удар зонта.

– Так вы израсходуете все еще до фотоателье, – проворчала Джейн.

– Мы уже пришли, – возразил инспектор, указывая на блестящую стеклянную витрину, в которой висели фотографии.

Джейн шагнула к ней, рассматривая черно-белые застывшие лица. Старые и молодые, красивые и не очень, в основном мужчины, но и несколько дам разрешили использовать их изображения.

– Допустим, ваш вождь – не выдумка, – снисходительно произнес инспектор, возвышаясь позади Джейн в отражении витрины. – Когда он стал вас преследовать?

– После смерти мамы. Года два назад.

– Примерно в это же время разбили витрину фотоателье, – кивнул он. – И, видимо, забрали мое фото. Кто-то хотел защитить вас от индейца? И поэтому придумал весь этот план?

– Кто? Английская крестная фея? Я оказалась в чужом доме без всяких перспектив. Как-то не тянет на приглашение на бал, – возразила Джейн, поворачиваясь к нему.

– Может, все еще впереди? И это лишь первый шаг? – предположил он.

– Звучит жутковато, если честно, – сказала она. – Мне не нравится чувствовать себя пешкой в чужой игре.

– Поэтому мы попытаемся опередить противника, – кивнул инспектор. – Вы сделали первый ход – обратились в полицию. Вряд ли он на это рассчитывал. Все

же не каждая согласится признать себя жертвой мошенника, да еще и в такой щекотливой ситуации…

Джейн невольно закатила глаза, забыв о том, что и сама сомневалась перед тем, как обратиться в полицию.

– Легкомыслие и доверчивость – не те качества, которые следует показывать людям. Так бы рассуждала любая леди на вашем месте, – продолжил он. – Но для вас, очевидно, справедливость превыше всего.

– Превыше глупых предрассудков, – ответила Джейн. – Так что, идем допрашивать фотографа?

– Предоставьте это мне.

Глава 3

Первые подозреваемые

Невысокий мужчина в сером переднике поверх костюма поспешно вышел из-за стола на звук дверного колокольчика.

– Добрый день! – воскликнул он, расплываясь в улыбке. – Мистер Рейнфорд, как я рад вас видеть! Леди…

– Мисс Уокер, – представил ее инспектор. – Мистер Дидлби. Я бы хотел задать несколько вопросов.

– О, – слегка разочарованно выдохнул фотограф. – Я надеялся, что вы пришли сделать еще несколько кадров. У вас удивительно фотогеничная внешность! Пропорции лица идеальны!

– Вы не находите, что мои брови несимметричны? – серьезным тоном уточнил инспектор, искоса глянув на Джейн, и уголок его губ едва заметно дернулся.

– Это из-за активной мимики, – поспешил успокоить его мистер Дидлби. – Но уверяю вас, отклонение от золотого сечения минимально!

– Вы хотели задать вопрос, инспектор, – напомнила Джейн, раздраженно постукивая носком туфельки по полу.

– Ах да, – неторопливо протянул мистер Рейнфорд. – Помните тот случай, когда витрину вашего ателье разбили?

– Разумеется, – подтвердил мистер Дидлби. – Ох уж эти мальчишки… К счастью, брат моей жены – стекольщик, и новая витрина стала подарком на ее день рождения. Половина, если говорить честно, но и то неплохо. Мисс Уокер, мы знакомы?

– Нет, – покачала головой Джейн.

Лицо у фотографа было по-овечьи вытянутым, а рот маленьким, как у куклы. Он казался безобидным и немного растерянным, точно садовый гном, потерявший колпак, но темные глаза смотрели так остро и внимательно, что под их взглядом Джейн почувствовала себя неуютно.

– Наверное, вы похожи на кого-то… – предположил мистер Дидлби не слишком уверенно.

– Мисс Уокер совершенно особенная девушка, – не согласился инспектор. – При первой же встрече поразила меня… несколько раз. Но вернемся к делу. Тогда вы сказали, что ничего не пропало.

– Так и было, – кивнул фотограф, отводя взгляд от Джейн.

– А фотографии с витрины?

– Их пришлось выбросить. Ночью шел дождь, и они промокли, пошли пузырями. Нельзя использовать порченый продукт для рекламы, сами понимаете.

– Там было и мое фото.

– Пожалуй, – снова кивнул мистер Дидлби, хмурясь. – Хотя я не помню, чтобы выбрасывал его. Просто собрал все в кучу, карточки совсем размокли… Однако недавно я сделал еще фотографии с тех негативов. Теперь я поступил умнее и повесил их в глубь помещения. Дамам Вуденкерса приходится заглянуть ко мне, чтобы полюбоваться вами, инспектор.

Он подвел их к стене, увешанной деревянными рамками, и Джейн моментально нашла лицо мистера Рейнфорда. Рядом висели еще несколько его фотографий: в пол-оборота, сидя, в полный рост…

– Это что, волк? – удивилась она, приблизив лицо к фотографии.

– Именно эту и выбрали для статьи, – сказал фотограф. – Матерый был! Мистер Эдверсон говорит, под двести фунтов, но он горазд болтать.

– Мэру это полагается по службе, – усмехнулся инспектор.

На фотографии мистер Рейнфорд опирался на длинное ружье и одна его нога стояла на поверженном звере.

– Значит, негативы не украли, – с явным облегчением в голосе произнес он. – Вы в этом уверены?

– Абсолютно!

– Это я и хотел услышать. И никто ими не интересовался?

– В Вуденкерсе никто больше не увлекается фотографией. Не хотите ли, кстати, сделать фото? – предложил мистер Дидлби, поворачиваясь к Джейн. – Бесплатно, если вы позволите использовать его для рекламы. Вы совершенно очаровательны, мисс, несмотря на некоторую неправильность черт…

– Благодарю, не стоит. Была рада знакомству, – сухо ответила она и вышла за порог, держа спину прямо, как солдат на параде. Колокольчик позади звякнул, потом еще раз, выпуская инспектора.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да.

Между лопатками чесалось, точно туда уселась назойливая муха. Джейн обернулась. Фотограф смотрел на нее через витрину, задумчиво хмурясь.

– У вас прекрасные черты, – добавил инспектор.

– Мне все равно, что вы там о них думаете.

– Что тогда? Вас поразил убитый волк? Вы из защитников животных? – не отставал мистер Рейнфорд.

– Нет, – ответила Джейн, поворачиваясь к нему. – Я не против охоты. Я и сама неплохо стреляю.

– Тогда мне повезло, что у вас с собой был лишь зонт, – усмехнулся он. – Кстати сказать, тот волк оказался удивительно живучим. Я подстрелил его и подошел ближе в полной уверенности, что он мертв, но зверь вдруг кинулся на меня, точно демон преисподней, зубы клацнули, впиваясь в плоть…

– До кости прокусил? – деловито уточнила Джейн.

– Нет, – сбился с мысли мистер Рейнфорд.

– Когда зубы впиваются в плоть, никакого клацанья не слышно. Оставьте ваши байки для мисс Блювенгейз, – снисходительно улыбнулась она.

– У меня даже шрам остался! – возмутился инспектор. – Ладно, пусть ничего не клацало, но волк укусил меня за предплечье. Могу показать.

– Вы ведь не станете раздеваться посреди улицы? – с нарочитым испугом произнесла Джейн, округлив глаза. – Это испортит вашу репутацию, и мисс Блювенгейз больше не напечет вам пирожков… Давайте уже вернемся к делу. Что вы думаете о первом подозреваемом, инспектор?

Мистер Рейнфорд укоризненно посмотрел на нее, но ответил:

– Мистер Дидлби ни при чем, мисс Уокер. Он бы не стал разбивать витрину, чтобы взять мое фото. Слишком дорогой способ сбить со следа. Но отчего вы так поспешно сбежали?

– Мне стало не по себе, – призналась она. – Фотограф так пристально меня рассматривал, точно мы в самом деле знакомы.

– Это у него профессиональное, – успокоил ее мистер Рейнфорд. – Сразу ищет удачный ракурс. Зря вы не согласились сделать кадр. Получилось бы превосходно.

– Индейцы верят, что фотография ворует душу.

– Вот как? Но вы-то не верите в это, правда? Иначе моя душа была бы сейчас в вашей сумочке, а там темно и тесно. Оставьте себе, прошу, – добавил он, когда Джейн потянулась к сумке. – Кстати, вы отправляли Максимилиану Олдброку свою фотографию?

– Нет.

– И он готов был жениться на вас, не увидев ни разу? Вы могли бы заподозрить неладное.

– Он говорил, что внешность – не главное. Что он хочет найти друга в будущей жене. Что ему нужна женщина со свободным духом, а здешние дамы полны суеверий. А с поместьем Олдброков связана какая-то ужасная история, которая их отпугивает. Я так поняла, кого-то из прежних владельцев жестоко убили. Мне было неловко расспрашивать миссис Олдброк. Это правда или выдумки? Такая история есть?

– Да, – помрачнел инспектор. – История гибели Максимилиана Олдброка.

* * *

Мистер Ррр настоял на том, чтобы проводить ее до поместья, и Джейн, заинтригованная его обещанием рассказать об Олдброках, не стала возражать.

Дорога вывела их из города и потянулась вдоль ферм, откуда пахнуло шерстью и навозом.

– Вы ведь не здешний, – заметила Джейн.

– Как вы догадались?

Лаконичный, но безупречный покрой его костюма, манеры, поведение – в инспекторе был лоск того рода, который не бросается в глаза.

– Поняла по тому, как вы морщите свой идеально прямой нос, – сказала она. – Не похоже, чтобы запах ферм был вам привычен.

– Я из Лондона, – улыбнулся он. – В некоторых районах там воняет куда хуже.

– И что вы здесь делаете? Дайте угадаю, вас сослали за какую-то провинность.

– Мимо, мисс Уокер. Мой послужной список так же безупречен, как и профиль.

– Тогда… вас направили сюда, чтобы раскрыть какое-то особенно запутанное дело. Вот хоть смерть Максимилиана Олдброка, о которой вы обещали рассказать.

– Боюсь, снова в молоко. Это дело минувших дней давно пылится в архиве.

– Что тогда заставило вас приехать в милый Вуденкерс?

– Писем мне никто не слал, если вы об этом, – усмехнулся он. – Скажем так, меня вынудили уехать.

– Значит, вот где корни вашей версии о том, что меня выставили из Америки! Это проекция ваших собственных комплексов.

– У меня нет комплексов, мисс Уокер.

– Мы же партнеры, инспектор, нехорошо требовать от меня откровенности, а после замыкаться в себе, – не отставала Джейн. – К тому же вы полностью игнорируете еще одну версию.

– Это какую?

– Дело не во мне, а в вас, – многозначительно произнесла она. – Кто-то выбрал именно ваше фото. Почему?

– Потому что я… Как бы так выразиться, чтобы не показаться нескромным… Обычно нравлюсь женщинам?

– Вас совершенно разбаловала провинция, – упрекнула его Джейн. – Нет, ответ кроется в вашем прошлом.

– Я кому-то так сильно насолил, что он решил натравить на меня американку с зонтом? Какой изощренный способ мести! Нет, настолько безжалостных врагов я не нажил.

– Ладно, не хотите говорить – ваше дело. Но мы еще вернемся к этой теме, – уверила его Джейн. – Так что же случилось в поместье?

Мистер Рейнфорд начал свой рассказ сухо и безэмоционально, словно читая сводки уголовной хроники: найден на рассвете матерью, многочисленные рваные раны. Вероятно, он не желал напугать Джейн яркими подробностями, но ее воображение живо дорисовывало детали картины: почерневшая от крови трава, первые лучи солнца заливают мертвенно-бледное лицо, плач миссис Олдброк словно волчий вой несется над холмами…

– Значит, Максимилиана Олдброка загрызли волки на его же землях, – ужаснулась она. – Слава богу, я не стала расспрашивать об этом Сильвию. Бедная женщина.

– Волки, – подтвердил мистер Рейнфорд. – Бич этих мест. Если вы зайдете к преподобному Габриэлю, то в левом углу церкви можете увидеть приметную фреску: святой Эдвард, поражающий волка копьем. Они возвращаются сюда снова и снова, точно их что-то манит в наших холмах.

– Может быть, овцы? – предположила Джейн. – А что тот волк, которого вы подстрелили? Действительно был таким огромным?

– Крупный, но ничего особенного. И на этот раз, к счастью, действительно обошлось овцой. Глядите-ка, вас ждут…

Миссис Олдброк стояла у распахнутых ворот поместья. Ее желтые глаза сверкали, а ноздри гневно раздувались.

– Добрый день, миссис Олдброк, – вежливо произнес мистер Рейнфорд. – Инспектор полиции Вуденкерса Ральф Рейнфорд к вашим услугам.

Дама лишь ненадолго перевела на него взгляд, но после обратилась к Джейн:

– Джейн, нам надо поговорить. Вам не следовало сбегать, не поставив меня в известность.

– Я обратилась в полицию, чтобы найти того мошенника…

– И сразу же на него наткнулась. Это ведь его фото вы показывали вчера. Как недостойно, молодой человек!

– Он ни при чем! – возразила Джейн.

– Откуда вам знать? – пытливо уставилась на нее миссис Олдброк.

– Леди, я клянусь, что…

– Оставьте ваши пустые слова для кого-нибудь другого, – перебила инспектора дама. – Пойдемте, Джейн. Я ждала вас, чтобы пообедать вместе.

– Но, Сильвия, – взмолилась Джейн, – мистер Рейнфорд мог бы присоединиться к нам и объяснить…

Инспектор шагнул вперед, но наткнулся на холодный взгляд янтарных глаз.

– Боюсь, накрывали лишь на двоих. Всего хорошего, мистер Рейнфорд.

Миссис Олдброк пропустила Джейн вперед, без видимых усилий закрыла заскрипевшие ворота и демонстративно задвинула тяжелый засов.

– Постойте! – окликнул инспектор.

– Что еще? – рявкнула пожилая леди, обернувшись.

– Зонт мисс Уокер, – обезоруживающе улыбнулся он, протянув зонтик между прутьями.

Джейн взяла его и одними губами произнесла:

– До встречи.

А после они с миссис Олдброк направились к дому.

Ральф постоял на площадке перед воротами, глядя вслед дамам. Миссис Олдброк при каждом шаге с силой вбивала трость в землю, точно вымещая на садовой дорожке свою злость.

Один конец ниточки, что привела сюда мисс Уокер, остался в Америке, и найти его нет возможности. Ральф охотно верил, что Джейн могла оказаться той еще занозой в заднице тетушки, так что та не пожалела ни усилий, ни денег на билет, только чтобы выставить племянницу вон. Однако версия трещала по швам. Во-первых, все же куда проще было бы найти мужа в Америке. А во-вторых, индеец, если Джейн не путается в показаниях, появился еще до переезда к тете. Значит, кто-то начал запугивать бедняжку раньше. Мисс Уокер привели в поместье Олдброков, и ответы надо искать здесь.

Мрачная фигура Томаса появилась из сада, приближаясь, и Райльф пошел назад по дороге в Вуденкерс. Обернувшись и убедившись, что его больше не видно, он свернул в рощу и, слегка углубившись в нее, сделал круг, обойдя поместье. Кованая ограда оборвалась, а после закончилась и стена боярышника, так что Ральф беспрепятственно шагнул на едва заметную тропинку, ведущую к дому. Поместье защищалось лишь от города, выставив к нему и железные шипы, и

колючие ветки, но со стороны холмов невозможно было понять, где заканчиваются земли Олдброков.

Ральф быстро подошел к дому, держась в тени деревьев, и, притаившись, заметил мелькнувший силуэт в одном из окон на втором этаже. Мисс Уокер наверняка поднялась к себе, чтобы переодеться к обеду, вряд ли чопорная миссис Олдброк оставила без внимания ее наряд.

Оглядев старую стену, Ральф разулся, снял носки, а после вцепился в выщерблину и подтянулся, хватаясь за выступ камня. Старый дом словно сам подталкивал его вверх, подставляясь неровной стеной, изъеденной ветрами и временем, и вскоре Ральф висел на подоконнике, упираясь босыми ступнями в шершавые камни. Переведя дух, он подтянулся выше и постучал в окно. Оно распахнулось так быстро, что Ральф едва не сорвался.

– Что вы делаете? – возмущенно прошептала мисс Уокер, хватая его за плечи и помогая забраться внутрь. – Это ведь моя спальня! Как можно?

Ральф перебрался через подоконник и, отдышавшись, заправил выбившуюся из-за пояса рубашку и провел пятерней по волосам.

– А вдруг вам грозит опасность, мисс Уокер? – произнес он, осматривая комнату, где оказался. – К тому же у меня практически неограниченный лимит на проступки, выданный вашим зонтом.

– Это уже тянет на пепельницу, – проворчала она, запахивая плотнее халат.

* * *

Ральф рассматривал комнату, где оказался: светло-лиловые обои, вместительный одежный шкаф, стол и стул, зеркало на стене, из-под широкой кровати виднеется алый бок чемодана, однако взгляд его то и дело устремлялся к мисс Уокер, которая куталась в пушистый белый халатик и переступала с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Зачем вы приперлись? – совсем не любезно выпалила она. – Что подумают люди, если нас застукают вместе?

– Подумают, что у нас бурный роман, разумеется, – ответил он. – И мне придется на вас жениться. Не это ли было вашей целью, мисс Уокер? Так что ваше недовольство выглядит наигранным и неоправданным.

Она едва не задохнулась от возмущения, поэтому Ральф поспешил добавить:

– Но мы-то с вами знаем, что я действую в рамках служебного долга. Так что выдыхайте, мисс Уокер, и пепельницу тоже оставим на потом. Это явно не тот случай.

Он быстро подошел к двери и закрыл задвижку. Подергал ручку.

– Вы думаете, что миссис Олдброк станет ломиться ко мне ночью? – спросила мисс Уокер, похожая на нахохлившуюся птичку.

– Дверь закрывается изнутри, это хорошо, – произнес Ральф, не обратив внимания на ее сарказм.

– Почему вы так волнуетесь? – спросила она, разбирая пальцами влажные пряди, которые закручивались в тугие рыжие спиральки.

Это простое действие ненадолго сбило Ральфа с мысли. К тому же в вырезе халатика мисс Уокер мелькнуло что-то белое, кружевное и тоже не способствующее концентрации.

– Вы заметили, как быстро миссис Олдброк перевела на меня стрелки? – собрался он. – Нелюдимая пожилая женщина с радостью дает приют незнакомке. Отчего вдруг? Не потому ли, что это она писала вам письма?

– И расколошматила витрину ради вашего фото?

– Это мог сделать садовник. Он, кажется, очень ей предан.

Вздохнув, Джейн присела на кровать, рассматривая свои босые ноги.

– Зачем я ей? – пожала она плечами, и халат чуть съехал в сторону, оголив ключицы и белую бретельку. – Может, она умом тронулась после гибели сына?

– Не исключено, – ответил Ральф, подходя к девушке ближе. Она выглядела такой хрупкой, несчастной и беззащитной, что ему немедленно захотелось ее утешить. Желательно в своих объятиях. – Однако план кажется продуманным и разыгранным как по нотам. Вряд ли на такое способен душевнобольной. Мисс Уокер, Джейн, вам лучше переехать отсюда. Миссис Пампкин приютила бы вас на первое время, а потом…

– Мы должны вывести ее на чистую воду, – решительно заявила мисс Уокер, вздернув подбородок.

– Кого? – сбился с мысли Ральф.

– Миссис Олдброк, разумеется, – ответила она, пожав плечами, так что полы халата еще немного сдвинулись. – Не вашу же секретаршу. Я не собираюсь убегать и прятаться, как трусливый заяц.

– Мисс Уокер, вы не понимаете, – рассердился он, и вдруг она вскочила с кровати, кинулась к нему и, прижавшись всем телом, запечатала рот ладонью.

Его руки рефлекторно легли на ее талию, прижимая ближе, а после он услышал тихий стук, который становился все громче. Миссис Олдброк шла по коридору, и ее трость отбивала ритм по паркету старого дома. Вскоре шаги прекратились, и в дверь постучали, так что Джейн вздрогнула и прижалась к нему еще теснее. Ручка двери медленно наклонилась, снова выпрямилась.

– Джейн, дорогая, вы в порядке? – раздался голос леди.

Ральф кивнул, ободряюще погладил девушку по спине.

– Да, я спущусь через пару минут! – выкрикнула она. – Я одеваюсь.

Ответом было молчание, а потом трость снова стукнула о паркет. Тук-тук-тук, звук становился все глуше, постепенно удаляясь.

Джейн замерла, прислушиваясь, а после медленно убрала руку от губ Ральфа и попятилась, так что ему пришлось выпустить ее из объятий.

– Уходите, – прошептала она. – Не станете же вы караулить меня всю ночь.

От нее пахло розовым мылом, и обнимать ее на этот раз оказалось еще приятнее, чем в прошлый, так что Ральф едва проглотил ответ, что это было бы просто прекрасно.

– Давайте договоримся так, – сказал он. – Если что-то вас испугает или покажется странным, или вы просто захотите мне что-то сказать, оставьте окно открытым…

– Еще чего! – возмутилась Джейн. – А если я просто захочу проветрить комнату? И вдруг инспектор Рейнфорд в моей спальне, тут как тут. Давайте придумаем более очевидный знак.

Он распахнула дверцы шкафа и вытащила оттуда два шарфа – белый и красный.

– Вот. Белый будет означать, что все в порядке, а красный – что мне нужна ваша помощь. Я вывешу шарф в окно. Но вам не стоит тратить время, нарезая круги у поместья Олдброков. Я могу постоять за себя.

Она подошла к кровати и, откинув подушку, вынула «кольт».

– Этого стоило ожидать, – вздохнул Ральф. – А это что?

Заинтересовавшись, он подошел ближе и потрогал странную вещь в изголовье кровати: сложное переплетение нитей, пушистые перышки по краям, несколько бусин, белых и розовых.

– Ловец снов, – ответила Джейн, – индейский амулет. Мама сделала, от кошмаров.

– Вы плохо спите? – он повернулся к ней, оказавшись совсем близко, а после, не удержавшись, протянул руку и накрутил рыжую прядь на палец. Что-то твердое уперлось ему в грудь и, глянув вниз, он осторожно отвел дуло «кольта»

в сторону.

– Вам пора, – сказала мисс Уокер. – Завтра я схожу на это ваше собрание и, может, узнаю что-то новое.

– А я съезжу в Шелстоун и проверю, не помнит ли кто-нибудь из служащих почты некоего мистера Олдброка, получавшего из Америки письма до востребования.

– Отлично, – кивнула она. – Я загляну к вам после клуба.

– И не забудьте про шарф, – напомнил Ральф, перебираясь через подоконник.

В саду было пусто, и солнце уже клонилось к закату, так что тени от старых яблонь вытянулись до самого дома. Ральф нащупал ногами удобный выступ, повернулся к Джейн. Она так и стояла посреди комнаты, лохматая, босоногая, в пушистом белом халате и с «кольтом» в руке. Невероятная женщина.

– Было приятно познакомиться, мисс Уокер, – улыбнулся он.

– Взаимно, мистер Рейнфорд, – ответила она.

Глава 4

Тайны поместья Олдброк

Столовая в доме Олдброков была неожиданно яркой и вызывающе экзотичной: шелковые обои с рисунком в виде павлиньих перьев, изумрудные портьеры с золотыми кистями, обилие свечей. Из-за вычурной обстановки Джейн казалось, что они с миссис Олдброк участвуют в театральной постановке, а дом – главный и единственный зритель – следит за ними сотнями нарисованных глаз на павлиньих хвостах и только вздыхает вентиляционными трубами, подмечая малейшие промахи в актерской игре. И если Сильвия знала свою роль, то Джейн придется импровизировать.

– Итак, – произнесла миссис Олдброк, садясь на высокий стул с резной спинкой и жестом указывая на место напротив. – Приступим?

Джейн послушно опустилась на жесткое сиденье. «Кольт» пришлось вернуть под подушку – не явишься ведь к ужину с пистолетом за поясом платья, у Сильвии наверняка бы появились вопросы. Хотя с оружием Джейн чувствовала бы себя куда увереннее, или хоть с зонтиком. Но если бы они с миссис Олдброк начали фехтовать, как мушкетеры, то ее зонт с треском бы проиграл трости.

– Приятного аппетита, – сказала Сильвия, слегка улыбнувшись, словно прочитав мысли Джейн по выражению ее лица, и склонилась к тарелке.

Миссис Олдброк ела быстро и аккуратно, задумчиво поглядывая на Джейн исподлобья, точно прикидывая, не подать ли на ужин саму гостью. Джейн отрезала кусок стейка и положила в рот. Мясо было слегка жестковатым, но сочным и вкусным. Спаржевая фасоль – упругой и ароматной, и со специями кухарка Олдброков не перебарщивала: немного тимьяна и базилика. Салат из свежих овощей, бекон, нарезанный тонкими ломтиками, хрустящие хлебцы – обед не отличался роскошью, но Джейн, проголодавшись после прогулки, наслаждалась каждым кусочком.

Миссис Олдброк поднялась, и Джейн, вздрогнув, глянула на нее снизу вверх. Однако дама лишь взяла стеклянный кувшин с густым морсом и разлила по стаканам.

– Попробуйте, Джейн, – предложила она. – Очень вкусно.

Дождавшись, пока дама сама сделает глоток, Джейн осторожно пригубила кисловатый напиток, пахнущий гвоздикой и мускатным орехом. Она облизнула губы и снова поймала на себе взгляд миссис Олдброк, которая задумчиво потягивала морс.

– Все очень вкусно, – сказала Джейн. – Морс бесподобен. Такой густой, с приятной кислинкой.

– Благодарю, – ответила миссис Олдброк. – Ноирин, кухарка, знает мой вкус. Простые продукты, без особых изысков, но все только самое свежее. Хотите чего-нибудь особенного? Какое ваше любимое блюдо?

Если миссис Олдброк действительно главное действующее лицо этой аферы, то вопросы она задает очень странные. Может, она хочет ее откормить? И однажды, когда толстая и неповоротливая Джейн спустится в столовую, миссис Олдброк поднимется со своего высокого стула и укажет тростью на стол. Джейн, зачарованная янтарными глазами, сама покорно ляжет на него, как на жертвенный алтарь, и, не в силах сопротивляться, будет молча смотреть, как над ее грудью заносят острый кинжал, и никто ей не поможет, даже инспектор…

Он, наверное, уже вернулся в Вуденкерс. Джейн видела, как он быстро пересек яблоневый сад, пригибаясь под низкими ветками, а потом перешел на бег трусцой и скрылся за холмами. Надо признать, физическая форма английских полицейских – выше всяких похвал. Такой сильный, ловкий…

– Мое любимое блюдо, – спохватилась она, осознав, что миссис Олдброк так и ждет ответа, – кукурузные лепешки, пожалуй. Мама часто пекла их.

– Кем были ваши родители?

– Отец был миссионером. Он пытался обратить индейцев в истинную веру, но умер, не успев достичь успеха, – ответила Джейн. – Я не слишком-то хорошо помню его.

Суховатый мужчина с унылыми усами и постным выражением лица был в ее воспоминаниях тусклой картинкой, и, как Джейн ни пыталась, она не чувствовала ни любви, ни тоски по ушедшему. Он читал ей Библию перед сном, но она быстро засыпала под монотонный бубнеж.

– Вот как, – ровно произнесла миссис Олдброк. – Отчего он умер?

– Сердце. – Джейн сделала еще глоток морса.

Она бы ни за что не призналась, но после смерти отца и она, и мама словно задышали полной грудью. Едва выдержав траур, мама купила Джейн красные ленты и пышное платье в белый горох, они напекли кукурузных лепешек и отправились на пикник к реке, а потом лежали, глядя в небо, рассматривали облака и смеялись над всякой ерундой.

Вот мамы ей всегда будет не хватать.

– Что же делала ваша мать, овдовев?

– Она пыталась продолжить его дело, но… – Джейн замялась, не зная, как говорить дальше. Люди по-разному реагировали на то, чем занималась мама, и лучшей реакцией было, пожалуй, равнодушие.

– Но ей тоже не удалось заставить индейцев предать своих богов? – предположила Сильвия.

– Верно, – ответила Джейн, наливая себе еще немного морса. – Из чего этот напиток?

– Из ягод, что растут на наших холмах, – ответила миссис Олдброк. – Значит, ваша мать тоже пыталась заниматься миссионерством?

– Мама не пыталась увлечь индейцев нашей верой, напротив, ее интересовали их предания. Она писала книгу, и общество этнографии весьма щедро поддерживало ее начинание.

– Как мило с их стороны, – заметила дама, слегка усмехнувшись в сторону.

Джейн, задетая ее реакцией, продолжила:

– И после, когда мама умерла, я решила завершить ее работу, чтобы выполнить обязательства.

Что бы она там ни думала, это не было милостыней. Мама трудилась, и ее старания не пропадут напрасно.

– Это очень ответственно… Я соболезную вашей утрате, Джейн, – мягко добавила Сильвия. – Это тяжело – остаться одной в таком юном возрасте. В любом возрасте.

Джейн сглотнула комок, собравшийся в горле. Не время и не место раскисать. Однако сочувствие миссис Олдброк было таким неожиданным и искренним, что

едва не пробило брешь в эмоциональной защите Джейн, которую она выстраивала последние годы.

– Какое образование вы получили, Джейн?

– Домашнее, разумеется, – ответила она. – Боюсь, в Эль-Райо еще не скоро появится школа для девочек. Но мама не жалела для меня ни времени, ни книг. Кстати, вы не будете против, если завтра я оставлю вас и посещу собрание дамского книжного клуба в Вуденкерсе?

Миссис Олдброк слегка изогнула бровь.

– Что ж, я понимаю, вам нужно общение, – ответила она после паузы. – Разумеется. Лучше уж книжный клуб, чем общество инспектора, верно? Вам не стоит так легкомысленно доверять мужчинам. Сначала поездка невесть куда и неведомо к кому, теперь мистер Рейнфорд… Я ведь не ошиблась, это действительно его фото вы показывали вчера?

– Верно, – подтвердила Джейн. – Но он тут ни при чем. Его фото взяли с витрины ателье.

– Может, и так, – не стала спорить миссис Олдброк. – Джейн, простите мое любопытство, но нельзя ли мне взглянуть на письма, которые писал вам тот неизвестный от имени моего сына?

– Боюсь, я отдала их инспектору, – ответила Джейн. – Я подумала, что он может найти в них какую-нибудь зацепку, которая помогла бы найти преступника.

– И если этот преступник – он сам, у вас не осталось против него улик. Как удобно, – вздохнула Сильвия. – Джейн, дорогая, на вашем месте я бы не спешила ему верить. Такому мужчине от красивой и наивной девушки вроде вас нужно одно… – она замялась, подбирая выражение. – Попасть к ней в спальню.

Джейн почувствовала, что краснеет. Инспектору потребовалось для этого буквально несколько часов.

– А потом он теряет к ней интерес. А ведь может случиться так, что… будут последствия, – продолжила разглагольствовать Сильвия, разглядывая стакан с морсом и словно думая о своем. – Тогда ей придется искать способ скрыть позор. Хорошо, если найдется человек, готовый помочь…

– Не стоит заходить так далеко в рассуждениях, – обиженно перебила ее Джейн. – Мистер Рейнфорд всего лишь проводил меня до поместья. К тому же он не стал бы перекладывать ответственность на кого-то другого.

– Вот как…

– Хоть я и не собираюсь совершать ничего предосудительного, – поспешно добавила она.

Не может ведь Сильвия знать о том, что он был в ее спальне? А если она подсмотрела? Подслушала? Унюхала? Отчего-то вспомнился странный обряд, увиденный в Вуденкерсе. Не увидишь, не услышишь, не почуешь, не съешь…

Сильвия отрезала кусок стейка, положила его в рот и, прожевав, проглотила.

– Тем лучше для вас обоих, – улыбнулась она, отпив морс. – Я чувствую, что обязана позаботиться о вас, Джейн. Вы совсем одинокая и такая юная.

– Мне уже двадцать, – возразила она. – Кстати, инспектор предложил мне снять комнату у его секретарши. А потом я найду работу и…

– И думать не смейте! – возмутилась миссис Олдброк и так резко поставила стакан с морсом на стол, что на белую скатерть брызнули красные капли.

Джейн вжалась в спинку стула, не понимая, чем вызвана такая реакция. Миссис Олдброк поджала тонкие губы, гневно раздувая ноздри.

– Я не подумала о том, что вы, вероятно, находитесь в затруднительном финансовом положении, – произнесла Сильвия спокойнее. – Мне как раз не помешает компаньонка.

– Я не могу брать у вас деньги, – возразила Джейн. – Вы и так слишком добры.

– Я настаиваю, – твердо сказала она.

– Нет, – отрезала Джейн.

Они сверлили друг друга взглядом, и миссис Олдброк первой отвела глаза, усмехнулась чему-то.

– У меня есть сбережения, – добавила Джейн, чувствуя себя виноватой.

Миссис Олдброк дала ей приют, предлагает помощь, и если она ни при чем, то Джейн ведет себя непозволительно грубо по отношению к великодушной женщине. Но если письма писала она… Где бы увидеть ее почерк?

В столовой, несмотря на расставленные всюду свечи, сгустились сумерки. Слуг не было слышно, словно их вовсе не существовало, как и всего остального мира, и лишь миссис Олдброк гипнотизировала ее золотыми глазами.

– Не составите мне компанию на вечерней прогулке, Джейн? Томас, мой садовник, слишком любит строгие линии и формы, но дальше, за садом, открывается удивительный вид на дикую, не тронутую человеком природу. Вам понравится, я уверена.

Гулять по коварным зеленым холмам с миссис Олдброк? Там, где текла кровь ее сына, разорванного волками?

– Я думала поработать над маминой книгой, – выпалила Джейн. – Чтобы поскорее отослать рукопись в общество этнографии. Надо отработать аванс. Сдать вовремя.

– Что ж, – вздохнула Сильвия, поднимаясь со стула. – Вы правы. Всему свое время… Если проголодаетесь перед сном, зайдите на кухню. Ноирин даст вам молока и чего еще пожелаете. Доброго вечера, Джейн.

– Хорошей прогулки.

Сильвия улыбнулась и исчезла в дверях, а Джейн подошла к окну и слегка отодвинула портьеру.

Миссис Олдброк появилась через минуту, в серой меховой накидке поверх траурного платья, ботинках без каблуков и с неизменной тростью. Она прошла по дорожке к воротам, а потом вдруг свернула в просвет между самшитовыми кустами и зашагала по газону, с силой втыкая трость в землю и оставляя рытвины и проплешины в стриженой траве. Сделав небольшой круг, она направилась за угол дома. Джейн бросилась из столовой, помчалась вверх по лестнице, перепрыгивая ступеньки, и толкнула дверь в свою спальню. В окне, выходящем в сад, виднелась фигура миссис Олдброк, медленно бредущая к закату по тропинке между яблонями.

Наверняка она будет гулять не меньше часа. Вполне достаточно времени, чтобы попытаться найти в ее комнатах письма или документы и сравнить почерк.

* * *

Джейн прошла по коридору, нажимая на все подряд дверные ручки. За одной из них оказалась кладовая, за другой – еще одна гостевая спальня с закрытой чехлами мебелью. На стене висел пасторальный пейзаж с овечками, усыпавшими зеленые холмы, и дородной пастушкой. Еще одна дверь оказалась заперта, и Джейн прижалась к ней ухом, а после стыдливо отодвинулась. Не станет ведь миссис Олдброк держать кого-то взаперти. Или станет?

Разговор за обедом у них вышел странным. Сильвии явно не понравился мистер Рейнфорд, и теперь, шагая в левое крыло, Джейн и сама сомневалась, стоит ли ему доверять. Отчего-то именно его фото выбрал преступник. Да, нельзя не признать, что инспектор очень хорош собой, но впутывать полицейского – неразумно. И он тоже что-то скрывает.

Левое крыло дома казалось более старым: паркет вытерт от времени, на стенах облупилась краска, обнажая кладку из серого камня. В конце коридора было прямоугольное окошко, и свет ложился ровным ломтем на вытертый пол, покрытый, словно оспинами, вмятинами от трости. Они вели к самой последней двери, и вскоре Джейн в нерешительности остановилась перед ней.

Дом молчал, точно ожидая, как она поступит, и Джейн чудилась укоризна в тихих порывах ветра, заблудившегося в вентиляции.

Некрасиво рыться в чужих вещах.

Пусть в рамках расследования – это все равно гадко. Но если Сильвия – преступница, то не оставит дверь открытой. Мысль эта принесла облегчение, и Джейн нажала на дверную ручку в полной уверенности, что та не поддастся. Однако дверь сразу же распахнулась, словно приглашая Джейн в обычную спальню в сине-зеленых тонах. Окно было приоткрыто, и белый тюль, тонкий и кружевной, как фата невесты, колыхался от ветра. Ковер, лохматый, но с проплешинами, точно шкура старого пса, лежал у кровати, охраняя синие разношенные тапки. Джейн подняла ногу, чтобы переступить порог, и поставила ее назад, потоптавшись на месте.

Возле стены, слева от окна, стоял большой секретер из темного дерева. Там наверняка найдется куча писем, документов с подписью миссис Олдброк, а может, даже личный дневник. Джейн с легкостью узнает, ее ли почерком были написаны те письма. Она перечитывала их сотни раз и помнит каждую закорючку так ясно, словно держит листок с ровными строчками перед глазами…

Сквозняк подтолкнул дверь, она плавно сдвинулась и захлопнулась перед носом Джейн.

Она посопела немного и, повернувшись, медленно пошла назад по коридору, чувствуя странное облегчение. Вернувшись в комнату, она переоделась в сорочку и юркнула в постель, укрывшись теплым одеялом. Было еще довольно рано, но голова стала как будто ватная и глаза сами закрывались. Спохватившись, Джейн вскочила, пробежалась босыми ступнями к шкафу и, выбрав белый шарф, перевесила его через подоконник, прижав створкой. Вернувшись в постель, она вдохнула глубже запах холмов, проникший через неплотно прикрытое окно.

Пахло травой, но как-то по-особенному. Отчего-то казалось, что трава эта густая и высокая и стелется под лапами, точно мягкий ковер. Она колышется под ветром, и зеленые волны бегут по холмам, точно по морю, и нет им края и конца, и тот, кто пойдет по этой траве, никогда не вернется…

Джейн очнулась ото сна, резко сев в кровати и хватая ртом воздух. Лоб покрылся испариной, во рту стоял горький привкус ягод, а в ушах еще звучали отголоски волчьего воя.

Она сглотнула вязкую слюну и опустила ноги с кровати.

Луна блестела за окном щербатой монетой. Сердце Джейн снова забилось быстрее. Она видела эту луну во сне, и звезды с вершины холма казались такими близкими. Накинув халат, она вышла из комнаты, спустилась по лестнице вниз. Хотелось перебить чем-нибудь горечь во рту, хоть бы и теплым молоком, и, пройдя через столовую, Джейн попала на кухню.

Тут использовали каждый дюйм площади: на стенах блестели развешанные сковородки, кастрюли, ковшики и ситечки, с потолочных балок свисали гирлянды сушеных грибов и веники трав, а в углах многоярусными бусами красовались вязанки лука и чеснока. Посреди этого великолепия царила смуглая женщина в пестром тюрбане, из-под которого выбивались черные завитки, липшие ко лбу. Она напевала что-то себе под нос и месила тесто сильными руками. От щедро растопленной печки шел жар, а под столом сидела серая кошка. Завидев Джейн, она зашипела, показав острые молодые клыки.

Кухарка цыкнула на нее, а после подняла взгляд.

– Можно мне молока? – попросила Джейн.

Кивнув, кухарка открыла ледник, вынула оттуда запотевший бидон, плеснула молока в ковшик и, приоткрыв створку печи, поставила его на переливающиеся угли. Выждав с полминуты, вынула ковшик прихваткой, перелила молоко в глиняную кружку и поставила перед Джейн.

– Спасибо, – пробормотала она. – Ноирин, верно?

Женщина кивнула.

– Что желаете? – спросила она с певучим акцентом.

– Больше ничего, спасибо, – ответила Джейн, делая глоток.

Кошка запрыгнула на лавку с другого конца и принялась умываться, делая вид, что Джейн тут вовсе нет.

– Вы давно работаете у миссис Олдброк?

Ноирин кивнула, раскатывая тесто в плоскую лепешку.

– Обед был очень вкусным. Из чего вы делаете морс? Такой интересный вкус.

– Хозяйка говорит, я делаю, – проворчала женщина.

Допив молоко, Джейн поставила пустую кружку на стол.

– Почему вы работаете ночью?

Ноирин быстро глянула на нее темными глазами, подведенными сурьмой, посыпала тесто нарезанными травами и рубленым луком.

– Почему вы не спать? – ответила она вопросом на вопрос.

– Плохой сон, – пожала плечами Джейн.

Хотя сон был хорошим. Она помнила запахи цветов и звездный свет, заливающий холмы, свежесть ночной росы и быстрый бег – за кем-то или от кого-то…

Ноирин достала из ледника тушку кролика, положила его на разделочную доску и сняла с крюка топорик. Кошка перестала умываться и облизнулась, глядя на свежее мясо. Кухарка чикнула острием, бросила ей кусочек, и кошка, поймав его на лету, спрыгнула под стол со своей добычей.

– Плохие сны отсюда, – кухарка постучала указательным пальцем по голове. – Слушай здесь, – она прижала ладонь к груди.

Дверь, ведущая наружу, скрипнула, и на кухню, пригнувшись, вошел Томас, с улыбкой, сверкающей даже через спутанную бороду, и Джейн стало понятно,

ради кого кухарка подвела глаза.

Почувствовав себя лишней, она быстро поднялась и ушла прочь.

Стоит ли подозревать слуг? Ноирин говорит с сильным акцентом, она бы не смогла написать те письма, а Томас вряд ли держал в своих руках что-нибудь тоньше черенка лопаты. Есть еще Марта, которая прибирается в доме и отчего-то злится на Джейн. Может, это она?

Вернувшись в свою комнату, Джейн забралась в постель, устроилась поудобнее, поджав колени к груди. Протянув руку, потрогала бусины на ловце снов в изголовье кровати.

Сон, в который она окунулась, был теплым, как молоко. Ей снились зеленые глаза и тонкая улыбка на красивых губах.

* * *

Ральф взял пачку писем из ящика стола и поднялся на второй этаж. Ему выделили две комнаты и кухню прямо над полицейским участком, что было очень удобно, но самым прекрасным приобретением оказалась секретарша, которая взяла над ним шефство и окружила заботой, точно любящая тетушка. На кухонном столе он обнаружил тарелку с пирогом, прикрытым промасленной бумагой, и записку: «Заходила мисс Элизабет Блювенгейз. Очень сожалела, что не застала вас. Пирог с вишней. Не рекомендую». Рядом стояли еще одна тарелка с нарезанной ветчиной и сыром и чайничек, укутанный в полотенце.

Налив себе чай, Ральф устроился на стуле, вытянув ноги, и рассортировал письма по датам на почтовом штемпеле. И конверты, и бумага были совершенно обычными, чуть шероховатыми и серыми, такие продаются в любой канцелярской лавке. Чернила тоже без особенностей и ничем не пахнут.

Развернув первое письмо, Ральф принялся за чтение.

«…жизнь иногда делает странный поворот, но мы должны доверять ей. Нас разделяет океан, но вдруг, по какой-то прихоти судьбы, мы получили возможность узнать друг друга. Того, что я слышал о вас, мисс Уокер, хватило,

чтобы проникнуться к вам искренней симпатией и интересом.

Наверное, мне стоит написать о себе…»

– Да, напиши же подробнее, – пробормотал Ральф, отламывая корку пирога. Тесто хрустело на зубах, но в целом оказалось вполне съедобным. – Расскажи мне все.

«… однако, боюсь, я весьма зауряден.

Сегодня я гулял по окрестностям и наткнулся на старую дорогу, выстроенную еще римлянами, и, когда я шел по этим камням, белым, точно кости, я думал о том, что останется после меня. И по всему выходит, что ничего.

Меня не страшит скоротечность жизни. Но я боюсь успеть слишком мало. Боюсь не завершить того, что начал. Ведь тогда и после смерти мне не найти покоя».

Вишневая косточка хрустнула на зубах, и Ральф, охнув, схватился за челюсть. С досадой выплюнув косточку в тарелку, он потрогал языком зуб и выбросил весь пирог в мусорное ведро, задвинув его подальше под стол.

– Что ж ты такое начал, стервец, – пробормотал он.

Итак, первым письмом фальшивый Макс польстил девушке, нарисовал преграды, которые стоят между потенциальными возлюбленными, немного приоткрыл глубины своей души и показал ранимость, вызывая жалость и сочувствие.

Придвинув к себе тарелку с ветчиной и сыром, Ральф налил себе еще чая и, сделав глоток, достал второе письмо.

«Дорогая мисс Уокер, вы и представить себе не можете, какое счастье и волнение охватило меня, когда я получил ваше письмо».

– Сразу дорогая, – отметил Ральф. – Кует пока горячо, не теряется. Вы спрашиваете, чем я занимаюсь, – прочел он вслух. – Да, чем ты занимаешься, подлец? Обманываешь наивную девушку, а зонтиком получаю я.

«Я не хочу наскучить вам подробностями дел. Скажу лишь, что вполне обеспечен и ценные бумаги, в которые я вложился, приносят мне доход, позволяющий не волноваться о дне насущном. В том есть и радость, и печаль. Я не трачу время на скучный труд и могу думать, размышлять…»

– Ах ты бедняжка, – посочувствовал Ральф.

«… и осознавать, как в сущности я одинок. Конечно, я легко бы мог разделить все, чем владею, с одной из дам Вуденкерса, но не мое сердце».

– Тьфу, – с досадой плюнул он.

Дочитав письмо, он снова сложил его в конверт и, взяв последний ломтик сыра, задумчиво посмотрел на опустевшую тарелку. По всему выходило, что преступник грамотен, хитер и хорошо образован. Но зачем ему Джейн? Почему он привез ее к Олдброкам, а не к себе? Почему назвался погибшим Максимилианом?

Оставив письма, Ральф спустился в участок, вытащил из шкафа старую коробку и, быстро найдя папку с делом Максимилиана Олдброка, вернулся наверх.

– Может, разгадка кроется тут? – пробормотал он, развязывая веревочки. Узел не поддавался, Ральф потянул его зубами и вскоре перебирал пожелтевшие бумаги, исписанные убористым почерком предыдущего инспектора.

Он слышал об этом происшествии много раз. В основном в пабе «Пасть и корона». После двадцати лет оно обросло цветистыми подробностями и душераздирающими деталями, и Ральф был уверен, что все они – плод фантазии, подогретой яблочным сидром. Однако, читая свидетельства горожан, с удивлением понял, что не все из этого выдумка.

«Около пяти утра, но точно не позже шести, Черити Хокинс отправилась в хлев, чтобы проверить состояние коровы Озорницы, которая должна была вот-вот отелиться. Миссис Хокинс утверждает, что видела миссис Сильвию Олдброк на перекрестке, где расходятся дороги в Вуденкерс и Шелстоун. Миссис Олдброк была в рваном платье и с кровоточащими царапинами на лице, и вид у нее, по свидетельству Черити Хокинс, был как у умалишенной. Постояв на перекрестке, миссис Олдброк побежала в Вуденкерс, где ее видели на центральной улице, у

рынка и церкви, к чему прилагаются свидетельства…»

Ральф слышал россказни о том, как миссис Олдброк, уже тогда почтенная дама, рыскала по городу и глаза ее сверкали такой злобой, что матери прятали детей в домах и закрывали ставни. А мистер Румпик, попавшийся ей на пути, после этой встречи сразу пошел в паб и напился вусмерть, чтобы стереть воспоминание о глазах, полных ярости и отчаяния. Насколько Ральф знал, мистер Румпик стирал его почти каждый божий день, но безрезультатно.

Судачили о том, что все собаки города подняли лай, и этому Ральф тоже нашел подтверждение в бумагах. Мистер Гудвин, тогдашний мэр, решил, что волк прячется в городе, и приказал спустить всех собак. Два кобеля, Рыжий и Молния, подрались на базарной площади, горожане, не будь дураками, сделали ставки, и те, кто поставил на Рыжего, в тот день немного разбогатели, но волка так и не нашли.

Ральф с любопытством глянул на подпись инспектора. Мистер Пампкин, похвальная скрупулезность. Он подшил к делу даже то, что осень в тот год выдалась ранняя и ветреная. Описание места преступления Ральф уже читал однажды из любопытства и теперь не нашел ничего нового. Ориентировочно четыре часа утра, рваные раны, смерть в результате нападения дикого зверя, предположительно волка. Рядом были найдены следы, мистер Пампкин зарисовал контур одного из них, и Ральф присвистнул. Если бы его укусил такой волк, то вряд ли бы он смог хвастаться шра- мами.

Ральф вернулся к письмам, адресованным мисс Уокер, и внимательно прочел их все. Злоумышленник, кем бы он ни был, отыгрывал роль обеспеченного одинокого мужчины, занятого в основном тоской по возлюбленной, что осветит своим появлением его жизнь.

«Моя драгоценная, единственная, необыкновенная Джейн. Я считаю дни до вашего прибытия. Я жду вас со всей страстью моего сердца. Я хочу посмотреть в ваши глаза и сказать самое главное. Скоро мы будем вместе. Навеки ваш, Максимилиан Олдброк».

Ральф едва сдержался, чтобы не смять письмо в кулаке. Он был полностью согласен с отправителем: мисс Уокер оказалась девушкой весьма необычной, однако в последних строках ему мерещилась угроза. «Скоро мы будем вместе».

Автор письма не мог не знать, что Максимилиан Олдброк сейчас в лучшем мире, и, обещая мисс Уокер скорую с ним встречу, он грозился ее убить?

Ральф плохо спал и проснулся, когда едва рассвело. Быстро собравшись, он вышел из дома и отправился на пробежку, изменив свой обычный маршрут. Махнув на перекрестке миссис Хокинс, той самой, что двадцать лет назад беспокоилась о тельной корове Озорнице, он повернул к поместью Олдброков, ускоряя бег. Лишь на холме, откуда открывался вид на старый дом, Ральф остановился и, согнувшись, уперся в колени. Тяжело дыша, сплюнул в густую траву. Белый шарф развевался под окном мисс Уокер, точно флаг. Все в порядке. Вытерев рукавом вспотевший лоб, Ральф трусцой побежал назад к Вуденкерсу. Он найдет того, кто желает зла мисс Уокер, и жестоко его накажет. Как она и просила.

* * *

Еще до завтрака Джейн успела обругать себя тысячу раз. Ничего бы не случилось, посмотри она записи миссис Олдброк, ведь ею двигали не дурные намерения, а инстинкт самосохранения.

Сильвия казалась очень подозрительной. Она так явно не хотела, чтобы Джейн уезжала, так настойчиво пыталась настроить ее против мистера Рейнфорда. Зачем пожилой даме волноваться о случайной гостье? И почему все выглядит так, будто Джейн тут ждали?

Размешав сахар, она отпила чай, глядя в окно. Миссис Олдброк не спустилась к завтраку, и Ноирин, подавшая омлет, хрустящие лепешки с зеленью и творог с джемом, сказала, что хозяйка «вставать поздно».

Однако инспектор сказал, что это она нашла тело своего сына. На рассвете. Отчего же ей не спалось?

Позавтракав, Джейн вернулась в свою комнату, накинула теплый кардиган и, подумав, сунула пистолет в сумочку. Если тут на самом деле водятся волки, то лучше быть при оружии. Сбежав по лестнице, она толкнула тяжелые двери и вышла на веранду, жмурясь от солнечного света, ослепительно-яркого после сумрака дома с его окнами, занавешенными портьерами. Бодро спустившись по

ступенькам, Джейн сделала круг по саду, пройдясь между цветущих роз и поздоровавшись с Томасом, который ползал по газону, приминая выдернутую тростью траву.

На приветствие Джейн он лишь хмуро глянул в ее сторону и кивнул.

– Странно и непонятно, – пробормотала она себе под нос, сворачивая за угол дома.

Надо будет поинтересоваться у миссис Олдброк, что значит этот ритуал: отчего она портит свой собственный газон и почему садовник безропотно это терпит. Пройдясь вдоль стены, Джейн запрокинула голову и увидела белый шарф, развевающийся вверху, как знамя.

Окинув оценивающим взглядом каменную кладку, она уцепилась рукой за выступ, поставила носок туфли в выщерблину, подтянулась выше, нашла выемку другой ногой и перенесла вес тела на нее, но туфля соскользнула, и Джейн повисла на стене, барахтаясь и пытаясь нащупать опору.

– Доброе утро, – прозвучал позади знакомый голос, и Джейн разжала пальцы.

Быстро повернувшись к миссис Олдброк, она одернула платье и заправила выбившиеся прядки волос за уши.

– Доброе утро, – смущенно ответила она. – Я просто подумала, легко ли взобраться по стене? Дом кажется довольно старым, и камни, из которых он сложен, не обтесаны.

– Думаю, это вполне возможно, – невозмутимо кивнула Сильвия, оглядывая стену. – Однако вам не стоит беспокоиться. Если вдруг какой-нибудь негодяй взберется к вам в окно, я с него три шкуры спущу, обещаю.

Джейн почувствовала, как краска прилила к щекам. Не хотелось бы так подставлять инспектора.

– А ваш белый флаг что-то значит?

– Я решила проветрить комнату и положила шарф, чтобы окно не захлопнулось.

– Хм, – миссис Олдброк разглядывала ее шарф, а Джейн с ужасом увидела отпечаток босой ступни мистера Рейнфорда прямо рядом с тростью Сильвии.

– Не хотите ли прогуляться, – предложила Джейн, радушно улыбаясь и делая шаг к яблоневому саду. – Сегодня чудесная погода.

Ей все так же не хотелось ходить куда-то с подозрительной миссис Олдброк, но надо срочно увести ее отсюда, пока она не увидела след. А у Джейн, в конце концов, пистолет в сумочке. Как-нибудь справится она со старушкой. Главное – не поворачиваться к ней спиной.

Миссис Олдброк склонила голову набок, словно пытаясь прочесть мысли Джейн.

– Я бы хотела посмотреть, что за чудесные ягоды придают такой чудесный вкус вашему морсу, – продолжила тараторить Джейн.

– Вчера вам не хотелось гулять, – напомнила Сильвия, и трость ее уперлась точно в середину следа. Черт бы побрал этого мистера Ррр с его ногами. Отпечаток был идеальным, как и он сам, никакого плоскостопия.

– По правде сказать, я чувствовала себя немного разбитой. Поездка была утомительной. Закрываю глаза – и меня снова будто укачивает волнами. Но сегодня я отлично выспалась. Мне снились эти холмы, представляете…

Брови Сильвии едва заметно вздернулись вверх, и она шагнула следом за Джейн.

– Я бежала по траве, – продолжила вдохновленная успехом Джейн. – Была ночь, но я видела каждую травинку. Пахло так оглушительно, как может быть только во сне. И… это странно, конечно, но у меня словно были четыре ноги.

– Лапы, – исправила ее Сильвия, неспешно шагая рядом.

Джейн кивнула. Да, это несомненно были лапы. Крепкие и сильные, способные нести ее без устали всю ночь.

– Это забавно, – улыбнулась миссис Олдброк. – Джейн, я должна вам кое-что рассказать… Вы все равно об этом узнаете…

– Это вы отправляли те письма? – выпалила она, повернувшись к даме.

– Нет, – спокойно ответила Сильвия. – Не я.

– Простите, – пробормотала Джейн.

– Я понимаю ваши подозрения, – кивнула она. – Я хотела рассказать о другом. Сегодня, на собрании книжного клуба у мисс Блювенгейз эта тема наверняка всплывет, и я хотела бы, чтобы вы услышали это от меня. Мой сын Максимилиан погиб, – она тяжело вздохнула. – Его убили.

– Волки, – добавила Джейн.

Миссис Олдброк метнула на нее янтарный взгляд, но не стала ни подтверждать, ни опровергать ее слова.

– Для маленького городка вроде Вуденкерса это событие стало одним из самых запоминающихся. Мой сын был молод, красив и, что таить, богат. О его трагической смерти много судачили. И постепенно ее обстоятельства обросли выдумками и глупым враньем.

– Я должна была сразу сказать, как искренне соболезную вашей утрате, Сильвия, – горячо произнесла Джейн. – Я даже не могу представить, через что вам пришлось пройти.

Миссис Олдброк взяла ее под локоть.

– Каждый несет свой крест, – произнесла она, – раньше мне казалось, что мой – слишком тяжел. Но все мы что-то теряем, что-то находим… Однако я не закончила. В городе говорят, что Максимилиан и сам был волком.

– Что? – Джейн рассмеялась, но осеклась. – Какие глупости!

– Ваша мама наверняка находила похожие предания у индейцев, – невозмутимо заметила Сильвия. – Человек-зверь, получающий силу своего тотема.

– Верно, – кивнула Джейн. – Но я не ожидала встретить похожие истории в Англии.

– Люди везде одинаковы, – пожала плечами Сильвия. – Многие не видят дальше своего носа.

Она отпустила локоть Джейн и пошла вперед по едва заметной тропинке. Но по ее словам выходило, что правы как раз те, что способны посмотреть вдаль?

– Подождите, Сильвия. – Джейн догнала ее и пошла рядом. – Простите мое любопытство, но почему вы портите газон перед домом?

– Кто вам сказал, что я его порчу? – улыбнулась она. – В конце концов, трава – она и есть трава, а Томасу не помешает напомнить, где его место.

Сильвия остановилась на вершине холма, и ветер растрепал ее седые волосы, хлестнул прядями по лицу.

– Тут очень красиво, правда?

Джейн молча кивнула, оглядывая открывшийся простор. Зеленая трава сменялась сиреневыми полосами вереска; роща, уже начавшая желтеть, протягивала к холмам ветки, шептала. Облака играли в догонялки, хватая друг друга за белые пенные пятки, а земля лениво подставляла солнцу зеленую спину, и хотелось лечь на траву и просто наслаждаться этим днем, никуда не торопясь.

– Кое-кто в Вуденкерсе считает, что здесь, за моим поместьем, начинается совсем другой мир, – сказала миссис Олдброк, и ее голос прозвучал без усмешки.

– С магией и оборотнями? – уточнила Джейн. – Вы верите в это?

Сильвия улыбнулась и повернулась к дому, который отсюда казался совсем небольшим.

– Боюсь, моих верований хватит на отдельную книгу. Разберитесь сначала с записями вашей матери, Джейн.

Миссис Олдброк повернула назад, и Джейн, слегка задетая ее ответом, нехотя последовала за ней, однако вскоре едва не уткнулась в спину, укрытую все той же меховой накидкой. Сильвия подняла тяжелую трость и указала правее – на невысокий холм, подножие которого покрывали кусты, усеянные ягодами, красными, как капли крови.

– Это случилось там, – глухо сказала дама.

Остаток пути они проделали молча.

В поместье Джейн поднялась наверх и на самом деле поработала над рукописью, а когда она спустилась к обеду, ее ждал сюрприз.

– Я решила нарисовать вам карту Вуденкерса, – пояснила миссис Олдброк, размашистыми движениями карандаша перечеркивая лист пополам. – Всего две главные улицы: Центральная и Лунная. Посередине площадь Копья. Тут полицейский участок, как вы уже знаете; здесь фотоателье, где вы тоже наверняка побывали. Город поделен на четыре ломтя, точно пирог. В левом верхнем рынок, в конце Лунной улицы – церковь Святого Эдварда. А вот сюда вам лучше не соваться, район бедный, люди пьющие и вульгарно невоспитанные. Здесь, – она ткнула в нижний правый «ломоть» города, – паб. Там жутко воняет… Вам вот сюда. Третий дом от площади Копья вверх по Центральной улице. Я прикажу Томасу вас отвезти. Элизабет Блювенгейз милая девушка. Я хорошо знаю ее мать. Какое-то время даже думала, что именно она составит партию моему Максу…

Миссис Олдброк усмехнулась, но Джейн смотрела на белый лист бумаги. Карта Вуденкерса получилась вполне понятной. Значимые объекты Сильвия подписала, а некоторые даже пометила дополнительными символами: крест обозначал церковь, яблоко – рынок, паб обзавелся пивной кружкой с пышной пеной наверху.

Почерк миссис Олдброк был мелким и округлым, точно бисер. Совсем не таким, как в тех письмах.

Глава 5

Книжный клуб

Элизабет не могла взять в толк, отчего в ее розовой гостиной сегодня было некуда яблоку упасть. Она даже сбегала на кухню, чтобы убедиться, что всем наверняка хватит медового печенья, рецепт которого она придумала сама. Слава богу, печенья было много и имбирного чая, так благотворно влияющего на пищеварение и цвет лица, тоже хватало.

– Я пригласила американку, – сообщила с порога миссис Пампкин, – от лица всех дам Вуденкерса.

– Вот оно что, – выдохнула Элизабет, пряча за приветливой улыбкой раздражение, царапнувшее сердце. А ведь она почти поверила, что небывалая популярность литературной гостиной – ее заслуга. – Надеюсь, она придет, и у нас будет шанс явить знаменитое английское радушие.

– Наверняка придет, – согласилась миссис Доуксон, которая пропустила обсуждение пяти кряду романов, а теперь вот явилась. – Если, конечно, не переломает ноги в своих вульгарных туфлях на каблуках. Миссис Хокинс сказала, они алее, чем капор мисс Элейн Шоу, что уехала в Лондон с кузеном Дарстена Кинзли.

– У нее ужасные волосы, – добавила Мередит Честерби, косясь в свое отражение в серебряном чайнике. Волосы Мередит были цвета выжженной солнцем соломы и такие же прямые. – Мало того что рыжие, так еще и кудрявятся. Наверняка с ними куча мороки.

– Может, она их специально завивает, – предположила одна из близняшек Холлс. То ли Мисси, то ли Сисси. Элизабет вечно их путала. Обе тощие и с такими вытаращенными глазами, что хотелось посоветовать им сливового джема.

Кэтрин Гоглстен, чьи каштановые локоны свисали по обе стороны лица, точно уши спаниеля, поспешила перевести тему подальше от кудрей:

– Говорят, вчера она пешком прошла через весь город. В штанах.

В розовой гостиной повисла мертвая тишина, а потом дамы заговорили все вместе, перебивая друг друга.

– Дамы! – воскликнула Элизабет, призывая всех к порядку. – Нам не следует набрасываться на нее, точно свора диких собак. Пусть эта девушка не знает, как следует одеваться в приличном обществе, возможно, Господь не наделил ее красотой, но мы должны явить христианское милосердие. У нее наверняка доброе сердце.

– Она явилась прямиком в полицейский участок, – невинно добавила Кэтрин, наливая себе чай. – И пробыла там не меньше получаса. А после они с инспектором вышли вместе и отправились куда-то вниз по улице.

Взгляды, в которых читалось жадное любопытство, устремились к Элизабет, и, кажется, в повисшей тишине все услышали, как скрипнули ее зубы.

– Он нес ее зонт, – нанесла еще один удар Кэтрин, добавляя три ложки сахара. Куда ей столько, с ее-то талией! – И поддерживал под руку. А один раз даже приобнял, чтобы уступить дорогу трубочисту. Да, тот был весь в саже, но, скорее всего, это лишь повод. Я вот не помню, чтобы наш мистер Ррр так трепетно заботился о моем наряде. Или о чьем-либо еще…

В дверь постучали, и Элизабет, вздрогнув, пошла открывать, чувствуя себя так, будто ей в сердце всадили кол.

– Мы вас ждем, – широко улыбнулась она, распахнув дверь. – Рады приветствовать в Вуденкерсе. Я – Элизабет Блювенгейз.

– Джейн, – ответила гостья, входя в дом и осматриваясь, – Джейн Уокер.

Элизабет пришлось слегка задрать подбородок, чтобы посмотреть ей в наглые, лживые, отвратительно голубые глаза. Волосы у американки действительно были рыжие и кудрявые, но платье она сегодня надела весьма скромное, унылое и серое. Кого она, интересно, хочет им обмануть? Хитрая лиса, подлая разлучница, блудница!

– Добро пожаловать, Джейн, – елейным голосом произнесла Элизабет. Хоть бы эта рыжая дылда расшибла себе нос о дверной косяк, хоть бы переломала все ноги по пути отсюда! – Уверена, мы станем настоящими подругами.

* * *

Сидя на розовом диванчике в розовой комнате с розовой чашкой в руках, Джейн поняла, что инспектор говорил правду – она явилась прямиком в змеиное гнездо. А мисс Блювенгейз, чей оскал напугал ее с самого порога, – королевская кобра.

– Оказаться совершенно одной, в чужой стране, никому не нужной, жалкой; ох, Джейн, мое сердце разрывается от горя и сочувствия, – сообщила она, прижимая белую ручку к высокой груди, обтянутой розовой блузкой.

– Ничего, я справляюсь, – ответила Джейн.

– Что же вас связывает с миссис Олдброк? – поинтересовалась миссис Доуксон – пожилая дама, от которой едва заметно пахло овцами.

Джейн бросила быстрый взгляд на миссис Пампкин, но та смотрела на нее с невинным любопытством. Похоже, инспектор не делится со своей секретаршей информацией. Тем лучше.

– Она наняла меня в качестве компаньонки, – соврала Джейн. В конце концов, Сильвия действительно сделала ей такое предложение.

– Неужели не смогла найти подходящую кандидатуру в Вуденкерсе, – удивилась Элизабет. – Не обижайтесь, Джейн, но вряд ли вы получили лучшее образование, чем любая из нас.

– Но никто из нас и не пошел бы к старой волчице, ведь так? – встряла Кэтрин – пухлая шатенка с блестящими локонами.

Миссис Доуксон шикнула на нее, но Кэтрин тряхнула головой, так что тщательно закрученные прядки, украшенные бантиками, взметнулись.

– Мы должны ее предупредить, это наш долг, – горячо добавила она.

– Ты права, – неожиданно поддержала ее Элизабет. – Джейн, дорогая, вам надо поскорее уехать из этого ужасного места.

– Вуденкерс кажется милым городком, – возразила Джейн, отпивая глоток чая и тут же возвращая чашку назад на столик. Ядреный вкус чая хотелось чем-то заесть, но тарелка с печеньем оставалась подозрительно полной, и Джейн решила, что лучше потерпеть, чем повторять эксперимент с угощением.

– Особенно милы некоторые его обитатели, – многозначительно произнесла Мередит, блондинка в зеленом платье, словно нарочно контрастирующем с розовой обстановкой гостиной. Все вдруг посмотрели на Элизабет, и Джейн начала понимать.

Возможно, мисс Блювенгейз так хочет выставить ее из города, потому что боится, что Джейн составит конкуренцию ее пирожкам? Надо признать, сама Элизабет вполне привлекательна: миниатюрная, но при этом женственная фигура, чистая кожа, правильные черты лица. Чего только мистер Ррр ерепенится?

– Вы уже познакомились с нашим мистером Ррр? – прямо спросила Кэтрин. – Правда красавчик?

Джейн быстро облизнула губы, думая, как выкрутиться из этой ситуации. Говорить, почему она явилась в полицейский участок, не хотелось. А этот вопрос наверняка последует.

– Разумеется, мисс Уокер была в полицейском участке, – неожиданно пришла ей на помощь миссис Пампкин. – Как любая иностранка, она явилась пояснить цель визита и предполагаемую длительность пребывания.

– О, – выдохнула Элизабет. – И когда же вы собираетесь назад, Джейн?

– Надеюсь, мисс Уокер останется у нас навсегда, – радушно сказала миссис Пампкин. – Выйдет замуж, обзаведется детишками. В нашем городе хватает одиноких и достойных джентльменов.

– Расскажите нам о поместье Олдброков, – попросила Кэтрин. – Вы уже видели привидение Максимилиана Олдброка?

– Как она могла увидеть его привидение, если он жив, – фыркнула Сисси.

– Жив, – поддакнула Мисси. – Его смерть инсценировали. Это он убил какого-то несчастного, а после обезобразил его до неузнаваемости и сбежал. А теперь рыщет по лесам вокруг Вуденкерса.

– Зачем же он там рыщет? – заинтересовалась Джейн.

– Скрывается от правосудия, – в один голос объяснили близняшки.

– Нет, Максимилиан действительно умер, – возразила миссис Доуксон. – И теперь старуха хочет поднять его из мертвых. Единственный сын, наследник рода… Думаю, она принесет вас в жертву, Джейн, в каком-то темном ритуале. Вас ведь никто не хватится. Скажет – вы уехали назад.

– Она прольет вашу кровь над его гробом в фамильном склепе, – свистящим шепотом произнесла Кэтрин. – Всю до капли. Чтобы демоны отпустили его душу и та нашла покой.

– Кэтрин, что ты несешь! – возмутилась миссис Пампкин. – Не слушайте ее, Джейн. Миссис Олдброк – почтенная дама и не станет…

– Говорят, она сама убила своего сына, – вздохнула Элизабет. – Не представляю, как вы спите под одной крышей с убийцей.

– Мисс Уокер, если вам понадобится переехать, у меня есть свободные комнаты прямо над полицейским участком, – тут же предложила миссис Пампкин. – Правда, две из них занял инспектор, и, возможно, это будет не очень удобно…

Мисс Блювенгейз поперхнулась чаем и закашлялась.

– Ты кладешь слишком много имбиря, Бетти, – сказала Мередит. – Твой чай пить невозможно.

– Зато он хорошо действует на мой кишечник, – сообщила миссис Доуксон. Она сделала большой глоток, поморщилась и тряхнула головой. – Я прямо чувствую эффект. Зря пропускала прошлые собрания клуба.

– Если вы только захотите, Джейн, я с радостью дам вам приют. Но миссис Олдброк не убивала своего сына, – сказала миссис Пампкин. – Она так горевала, чуть с ума не сошла.

– А может и сошла, – сказала Кэтрин. – Если бы в моем доме жило привидение, я бы точно двинулась. Подумайте над предложением миссис Пампкин, Джейн. Никто вас не осудит. Лучше уж подмочить себе репутацию, чем умереть.

– Как знать, – протянула в сторону Элизабет.

– Да, лучше вам переехать, – кивнули Сисси-Мисси. – Пока Максимилиан Олдброк не явился посреди ночи в вашу спальню. За эти годы, что ему пришлось скрываться в лесах, он наверняка одичал и превратился в настоящего зверя, движимого лишь животными инстинктами. – Две пары вытаращенных глаз заблестели. – Все понятно! Миссис Олдброк поэтому вас и пригласила! Ему нужна жена.

– Если он двадцать лет обходился без жены, то что вдруг изменилось? – возразила Джейн. Она уже едва улавливала суть разговора, теряясь в дебрях сплетен.

– Он был зверем от рождения, – подала голос Мередит, недовольно поправляя складки на зеленом платье. – Почему никто из нас до сих пор этого не сказал? Максимилиан Олдброк был вервольфом.

– Ты ведь разумная девушка, – укорила ее миссис Пампкин.

– Поэтому говорю правду, – ответила Мередит. – Его убил какой-то охотник на нечисть. У Максимилиана Олдброка были клыки как у вепря и дикие глаза. Моя мама говорит, от одного его взгляда у нее волосы дыбом вставали.

– Максимилиан Олдброк был красивым мужчиной, – возразила миссис Пампкин. – Не таким, конечно, как…

– У меня есть его портрет, – перебила ее Элизабет, вскакивая с места. – Максимилиан Олдброк ухаживал за моей мамой какое-то время. Сейчас принесу. Попробуйте печенье, Джейн.

Она быстро ушла из гостиной, а Джейн потянулась к тарелке, но наткнулась на взгляд миссис Пампкин. Дама покачала головой, и Джейн убрала руку.

* * *

Ральф возвращался в Вуденкерс в самом скверном расположении духа. В почтовом отделении Шелстоуна он не узнал ровным счетом ничего. Расположенное в порту, оно пропускало через себя огромный поток корреспонденции, и никто из работников не вспомнил господина, забиравшего письма из Америки.

– У нас большая текучка кадров, – сообщила девушка, быстро штампуя письма одно за одним и глядя при этом только на Ральфа. – Моя предшественница проработала здесь два месяца, а девушка, что была до нее, – всего две недели. Я работаю месяц и уже получила два предложения руки и сердца. Правда, еще не сделала выбор, – она поощрительно улыбнулась Ральфу, а тот с досадой отправился искать кого-то, кто работал здесь не ради моряков.

Начальник почтового отделения с такими мешками под глазами, что письма было впору складывать прямо в них, взглянул на него устало и ответил, что корреспонденция вручается исключительно адресату. И получить письма до востребования мог только мистер Олдброк самолично, предъявив документ, подтверждающий его личность.

Значит, получателем был мужчина. Допустим, Томас, которому миссис Олдброк вручила старый паспорт Максимилиана. В нем перечислены антропометрические данные, но кто из этих девушек, увлеченных лишь желанием устроить судьбу, стал бы их досконально проверять. Пусть бы поскорее ввели новый образец паспорта, с обязательной фотографией. Это бы значительно ограничило возможности мошенничества.

Трясясь в кебе по обратной дороге в Вуденкерс, Ральф понимал, что потратил время зря. Оставалось надеяться, что мисс Уокер провела день с большей

пользой.

* * *

Элизабет была вне себя от ярости. В голове шумело и руки дрожали, будто она какой-то забулдыга из паба. Она открыла шкаф в комнате матери и, придвинув к нему стул, нашла портрет на верхней полке, куда отец, с его маленьким ростом, не мог заглянуть случайно.

Элизабет любила отца, но слегка снисходительной любовью. Он так просто поддавался ее капризам, терпел шалости, иногда очень злые, баловал и называл своей принцессой. Но куда больше Элизабет походила на мать. Ее портрет тоже был тут – в одной из половинок рамки. Элисон Блювенгейз, в девичестве Шервуд, взирала с портрета с надменной уверенностью, которая, если говорить честно, была весьма неуместной. Ведь Максимилиан Олдброк бросил ее.

Элизабет аккуратно рассоединила рамки, складывающиеся на манер книги. Мать не станет поднимать шум из-за портрета, хоть и обнаружит пропажу довольно скоро. Она доставала его на каждую годовщину смерти Максимилиана, и Элизабет, застав ее однажды с портретом в руках, с удивлением узнала, что Элисон Блювенгейз умеет плакать.

Но Чарльз Блювенгейз наверняка задастся вопросом, отчего его жена хранит портрет давнего поклонника. Придется ей поставить в этой истории точку. Отец этого заслуживает.

– Вот он, – возвестила Элизабет, вернувшись в розовую гостиную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yaroshinskaya_ol-ga/ognya-dlya-miss-uoker

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити